V 571
208
1857

У 511/208

ПРЕДАНІЕ

О ТОМЪ,

КАКЪ СОЛДАТЪ СПАСЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОТЪ СМЕРТИ.

2007055475

Р 571/208

ПРЕДАНІЕ

О ТОМЪ,

КАКЪ СОЛДАТЪ СПАСЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОТЪ СМЕРТИ.

Соч. Н. Э. Крылова.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ Т. Т. ВОЛКОВА И КОМП.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 16 Февраля 1857 года.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

13390-63

Сухая была осень, тысяча семьсотъ... тысяча семьсотъ.... право позабылъ, котораго именно года, да довольно и того вѣдать: было это при *Петрѣ Великомъ*, при *Петрѣ*, уже побѣдителѣ Шведовъ. Сухая была осень, но нельзя ее назвать ведреною; правда, были дни ведреные, съ солнышкомъ, но они мѣшались со днями пасмурными. Съ разсвѣта сѣрыя осеннія тучи облагали все небо: смотря на нихъ, казалось, что на небѣ и помину нѣтъ о солнышкѣ; осень собиралась сдѣлаться дождливою, но въ ночь небо прочистилось и слѣдующій день былъ крас-

ный, съ утра до вечера озаренный осеннимъ безчувственнымъ солнцемъ. Въ одинъ изъ такихъ пасмурныхъ дней, въ половинѣ сентября, часу въ четвертомъ послѣ обѣда, верстахъ въ тридцати отъ Питера, пробирался изъ отпуска солдатъ съ проселочной на большую Московскую дорогу. Не диковинка бы это, да вотъ что не ловко: дорога лежала лѣсомъ, а солдатъ впервые шелъ по ней; въ послѣдней деревнѣ, въ которой отдохнулъ онъ, да пообѣдалъ, выпилъ служивый нашъ лишнюю чарку. Выходя изъ деревни, онъ и не подумалъ распросить хорошенько, куда идти на Питеръ? Говорили ему въ деревнѣ, что теперь и двухъ часовъ не будетъ ходьбы до большой Московской дороги, а вотъ ужь онъ идетъ часа четыре, а большой дороги нѣтъ какъ нѣтъ. Огромный, старый, густой сосновый лѣсъ не рѣдѣетъ, а все густѣетъ. Смѣтилъ служивый, что заплутался, а дѣлать-

то нечего. Дорожка небольшая, узенькая, тянется по лѣсу; идетъ по ней солдатъ впередъ и впередъ: «дорога куда нибудь да выведетъ!» думаетъ онъ. Любо весною — лѣтомъ въ лѣсу, въ полѣ — а не осенью, когда безчисленное множество желтыхъ листьевъ падаютъ съ деревьевъ и устилаютъ собою состарѣвшуюся пожелтѣлую траву — словно этими листьями деревья совершаютъ озимовый посѣвъ будущей весны. Правда, дорога солдата, пробитая въ сосновомъ лѣсу, не была усѣяна опавшими листьями: сосна одинакова и зимою и лѣтомъ, какъ безчувственный человѣкъ одинаковъ и въ горѣ и въ радости, — но трава была желта, земля влажна, воздухъ холодноватъ и сыръ, и по сторонамъ опадали на траву желтые листья съ березокъ, да съ рябинъ, съ орѣшника, иль съ другаго какого дерева. Идетъ солдатъ по дорожкѣ; при лѣвомъ бедрѣ у него тесакъ, а

за плечами мѣшокъ. Когда солдатъ вышелъ изъ своей деревни, то въ этомъ мѣшкѣ лежали и лепешки, и яица, и еще кое-что съѣстное, да три рубашки съ двумя полотенцами: все это надавала ему въ деревнѣ жена въ гостинецъ на дорогу, а теперь, кромѣ бѣлья да черныхъ сухарей, ничего въ немъ не было: все поѣлъ солдатъ дорогою. Идетъ солдатъ дальше и дальше по лѣсу, хоть бы кто попался ему. Правда, сѣрые зайцы-русаки перебѣгали ему дорогу, да ной-гдѣ слетали съ придорожной сосны глухой тетеревъ, аль съ кустарника бѣлосѣренькая куропатка, да сѣрый рябчикъ. Начинаетъ смеркаться, а лѣсъ не кончается. Лѣтомъ бы въ красную погоду не горе это: ложись на любомъ мѣстѣ на травѣ, да переночуй; а осенью, ночью, земля еще влажнѣе, воздухъ еще холодноватѣе, и солдата подмываетъ въ избу. «Экъ съѣдятъ-те мухи съ комарами!» вскри-

чалъ наконецъ солдатъ: «словно лѣшій завелъ меня сюда, — иду, иду, а и въ примѣтѣ нѣтъ жилья! Хоть бы Богъ на долину вывелъ меня, ла послалъ, чтобы къ ночи-то прочистилось небо и вызвѣздѣло—запримѣтилъ бы я по звѣздамъ, въ которой сторонѣ Питеръ, легъ бы уснулъ на долинѣ, а какъ разсвѣло, и пошелъ бы прямо на него!» Все больше, больше темнѣетъ въ лѣсу, и вотъ совсѣмъ стемнѣло. Настала ночь, но не такая осенняя ночь, въ которой зги Божьей не видать въ лѣсу: нѣтъ, хоть и съ трудомъ, однакожь все можно было разглядѣть въ темнотѣ придорожныя сосны. Смѣтилъ по этому солдатъ, что небо прочистилось. Взглянулъ къ верху, и сквозь густыя вѣтви сосенъ увидѣлъ двѣ-три звѣздочки, блиставшія на небѣ, и когда прошелъ еще немного, то вскинувъ опять глаза къ верху, увидѣлъ, что вѣтвистыя макушки сосенъ были отсеребрены осен-

нимъ лунным свѣтомъ. «Слава Тебѣ, Господи!» думаетъ солдатъ: «вынеси меня, Совдатель, на долину.» Вѣрно Богъ услышалъ молитву его — лѣсъ сталъ рѣдѣть, ниже и ниже началъ опускаться лунный свѣтъ по деревьямъ, впереди между ними показался просвѣтъ и черезъ минуту солдатъ вышелъ на болотистую долину, облитую осеннимъ лунным свѣтомъ. Какъ четыре черныхъ стѣны окружалъ долину со всѣхъ сторонъ сосновый лѣсъ и съ одного края ея тѣнь сосенъ ложилась на нее черными полосами. Легкій туманъ, подымавшійся съ земли, въ отдаленіи отъ солдата, казалось, подавляемъ былъ лунным свѣтомъ, который такъ щедро лила на всю землю полная сентябрская луна. Солдатъ безъ памяти обрадовался, что вынесъ его Господь на долину: осмотрѣвшись кругомъ и видя, что и въ примѣтѣ нѣтъ жилья, вскинулъ глаза на небо: оно было чисто; милліоны

ярких звѣздъ сіяли на немъ и посреди ихъ, какъ царица, плыла луна. Вскинувъ глаза къ небу, служивый началъ разсматривать по звѣздамъ, въ которой сторонѣ Питеръ. «Слава Тебѣ, Создателю!» воскликнулъ солдатъ, снимая шапку и молясь на звѣздное небо. Звѣзды, что восходятъ надъ Питеромъ, прямо передъ нимъ; на нихъ идетъ дорога его, перебѣгающая долину и опять вступающая въ лѣсъ. Солдатъ, опустивъ глаза къ землѣ, думаетъ: «идти мнѣ дальше, иль лечь подъ деревомъ, да переночевать? Господь знаетъ, скоро ли доберешься до жилья, а уснешь въ лѣсу, съ просонокъ опять съ пути собьешься!» Уже онъ сталъ повертываться вмѣстѣ съ тѣнью своею, отраженною на землѣ, и посматривать въ сторонѣ дерево, подъ которымъ бы лучше лечь уснуть. Вдругъ, остановясь и прислушиваясь къ лѣсной дорогѣ, съ которой вступилъ на долину, онъ тихо вос-

кликнулъ: «чу! никакъ кто-то ѣдетъ!» Въ самомъ дѣлѣ, среди всеобщей тишины, съ лѣсной дороги послышались шаги лошади; они приближаются ближе и ближе; валежникъ хруститъ подъ ногами лошади. Солдатъ, сбрадованный попутчику, прислушиваясь къ конскимъ шагамъ, стоитъ одинъ одинехонекъ, въ лунную ночь, на болотистой долинѣ, окруженный обширнымъ на нѣсколько десятковъ верстъ мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ. Конскіе шаги близко — и вотъ черезъ минуту выѣхалъ изъ лѣса на долину, на рослой лошади, высокій мущина въ коротенькомъ темномъ кафтанѣ. Едва верховой отдѣлился отъ лѣсу, какъ тѣнь его съ лошадью отразилась на травѣ и потянулась за нимъ. Верховой этотъ былъ *Петръ Великій*.

Находила по временамъ на батюшку Государю Петра Алексѣевича думушка. Здоровъ онъ былъ, здоровъ, а и здоровымъ назвать нельзя: по цѣлымъ

днямъ сидѣлъ онъ, запершись одинъ, и все думалъ. Дней нѣсколько тому назадъ, нашла на Петра Алексѣевича такая дума; и вотъ, чтобы скорѣе она миновалась, уговорила Его Государыня Екатерина Алексѣевна и приближенные бояре выѣхать поохотиться. Петръ согласился и вчера отъѣхалъ съ охотою верстъ за тридцать отъ Питера по Московской дорогѣ. Нынче, охотясь часа за два передъ этимъ, онъ бросился за какимъ-то звѣремъ въ глушь лѣса, и — отдѣлился отъ охотниковъ; звѣрь увернулся; но Петръ повстрѣчалъ медвѣдя, — собака бросилась на косолапаго и, разорванная имъ, тутъ же околѣла; медвѣдь убѣжалъ. — Петръ, еще не вышедшій совершенно изъ задумчивости, остался въ лѣсной глуши одинъ безъ собаки. Онъ подалъ вѣсть въ рожокъ, ему послышался оттрубъ, и Петръ на него поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, лѣсъ не кончается, а все густѣетъ, дорожка съу-

живается. Пасмурная погода ещё болѣе погружала Петра въ задумчивость. Онъ снова потрубилъ въ рожокъ, но уже и оттруба не было. Стало смеркаться; лѣсъ все не кончается. Наступила ночь, и вотъ онъ выѣхалъ съ той же самой дороги, по которой шелъ солдатъ, на ту же самую поляну, гдѣ служивый, услышавъ шаги его лошади и обрадовавшись верховому попутчику, сталъ, дожидаясь его приближенія.

— Что, дяди, куда проѣхать на Питеръ? спросилъ Петръ звучнымъ, чистымъ, ласковымъ голосомъ солдата, поровнявшись съ нимъ, пріостановивъ лошадь и немного нагибаясь къ служивому.

— А и Богъ знаетъ! отвѣчалъ солдатъ.—Вотъ уже часа четыре лѣшій водитъ меня по лѣсу. Я и самъ пробираюсь въ Питеръ. По звѣздамъ онъ впереди: дорога это лежитъ на него.

— Да ты, братъ, солдатъ? Въ какомъ полку служишь? спросилъ Петръ.

— Мало ли въ какомъ служилъ; а теперь служу въ Невскомъ. А ты изъ какихъ? спросилъ въ свой чередъ служивый верхового.

— Я царскій охотникъ Алексѣй, отвѣчалъ Петръ:—нынче Царь охотился по близости отсюда. Я отъѣхалъ отъ своихъ за звѣремъ и сбился съ дороги. Что же ты остановился, служивый — ступай около моей лошади: двоимъ намъ веселѣе будетъ отыскивать дорогу.

— А я, братъ Алеша, хотѣлъ было лечь здѣсь подъ деревомъ, да переночевать.

— Что ты, служивый! выберемся на дорогу, тамъ переночуемъ.

— Ну, коли такъ, то ладно!

Братъ Алеша поѣхалъ шажкомъ. Солдатъ пошелъ около его лошади. Скоро миновали они поляну и снова вступили въ лѣсъ: и опять въ прежъ-

ней темнотѣ, опять только хруститъ валежникъ подъ ногами лошади.

Солдатъ говорилъ, Петръ безмолвствовалъ и только изрѣдка отвѣчалъ на вопросы служиваго.

—Да что ты такой скучный, неразговорчивый, братъ Алеша? аль со вчерашняго похмѣлья? вскричалъ солдатъ.

— Нѣтъ, служивый, не съ похмѣлья, что-то не здоровится, — отвѣчалъ братъ Алеша.

— Полно, не запирайся! Я и самъ, неча грѣха таить, грѣшный человѣкъ, люблю чарку. Вотъ отъ нея-то окаянной и плутаю теперь по лѣсу. Да признайся-ка, братъ, вѣрно и ты отъ нея проклятой дорогу потерялъ.

— Ты изъ крестьянъ? спросилъ Петръ солдата, вышедъ немного изъ задумчивости.

— Да, братъ! а что?

— Давно ли поступилъ на службу?

— Давно, братъ Алеша, еще за два года до перваго похода подъ Нарву.

— Ты былъ подъ Нарвою?

— Какъ же! это былъ мой первый походъ.

— Накатали же васъ подъ Нарвою Шведы! тридцать тысячъ человѣкъ было васъ и вы дали себя имъ разбить! . . .

— Да какъ было Шведу и не поколотить насъ! . . . что мы были тогда за солдаты? всего два года, какъ на службу поступили, еще не бывали ни въ одномъ сраженіи. Бывало, какъ откроютъ по насъ пальбу, мы на сажень растянемся человѣкъ отъ человѣка. Съ добра-ума думали: чѣмъ дальше братъ отъ брата, тѣмъ надежнѣе, а то въ строю скорѣе убьютъ.... Да и голодали мы больно, — столла распутица, за ней не было подвоза провіанта, а главное-то — была измѣна. Перебѣжали отъ насъ къ Шведамъ небольшіе наши командиры, Нѣмцы. Ну, да за то доканали же и

мы Шведовъ, отпѣли имъ вѣчную память подъ Полтавою! . . . .

— Ты сражался и подъ Полтавою?

— Сражался, братъ Алеша! ужь то-то напотѣшилась душенька, показали мы себя! Постояли за вѣру православную, за нашу мать землю Русскую, за отца нашего Царя Государя Императора Петра Алексѣевича.

— А знаешь ли ты въ лицо Императора? спросилъ Петръ.

— Слава те, Господи! еще бы не знать? отвѣчалъ служивый. Онъ ростомъ выше тебя, братъ Алеша! Подумаешь, экой хватъ онъ и собою и душенькою, другаго такого я и родясь не видывалъ! Дай Богъ ему много лѣтъ царствовать!

— Да, вамъ солдатамъ счастье отъ него, сталъ говорить Петръ, нѣсколько развеселясь: — васъ онъ любитъ и голубитъ; а вотъ насъ, любимыхъ потѣшниковъ прежнихъ Царей, совсѣмъ забылъ, въ кои-то вѣки по-

охотится, и то, я чай, чтобы бояръ потѣшить, и вишь, говоритъ имъ: «гоняйтесь за звѣрями сколько хотите, эта забава не для меня! я долженъ вить государства гоняться за отважнымъ непріятелемъ, а въ государствѣ моемъ укрощать дикихъ и упорныхъ подданныхъ.»

— Какъ же ему и не любить насъ! воскликнулъ солдатъ:—мы стоимъ за церковь Христову, за православную землю Русскую, за него батюшку нашего, Царя-Государя. Да куда онъ ни пошли насъ, хоть въ огонь, такъ полѣземъ! Русскій солдатъ не то, что Нѣмецкій. Тѣ трусишки, а Русскій не таковъ. Послушай, вотъ я тебѣ разскажу:

— Когда Государь Императоръ нашъ былъ въ Нѣметчинѣ, то и расхвастались передъ нимъ Нѣмецкіе Государи своими солдатами. Наши-де солдаты, говорили оно, ничего на свѣтѣ не испугаются. Лишь только что велишь

сдѣлать имъ, разомъ то сдѣлаютъ. Слушалъ, слушалъ ихъ нашъ Императоръ, да тряхнувъ головою, сказалъ: «Полноте хвастаться! дрянь ваши солдаты. Вотъ мои, Русскіе, такъ всѣхъ вашихъ за поясъ заткнутъ.» Государи Нѣмецкіе давай съ нимъ спорить. Знай ладятъ: наши Нѣмецкіе солдаты лучше твоихъ Русскихъ. Сидѣли въ ту пору Государи съ нашимъ батюшкою въ верхнемъ покоѣ ихъ Нѣмецкаго дворца. Нашъ отецъ и крикнулъ Государямъ Нѣмецкимъ: «Да что мы спорим! покажите-ка лучше на дѣлѣ храбрость и послушаніе вашихъ солдатъ. Позовите каждый по солдату и велите ему броситься въ это окно на улицу, такъ увидите: ни одинъ сразу и не послушается.» Вотъ и закричалъ одинъ Нѣмецкій Государь: «пошлите-ка сюда моего такого-то солдата!» Солдатъ этотъ былъ самый храбрѣйшій у него. Вошелъ солдатъ, — ростомъ, что твоя верста.

«Эй, крикнулъ ему Государь его: бросься въ это окно, я тебѣ приказываю!

«Солдатъ-Нѣмецъ наморщилъ кислую, жалкую рожу и захныкалъ: «помилуй, Государь! позволь хоть проститься съ женой, съ малыми дѣтьми.

«— Трусъ, дрянь! закричалъ нашъ батюшка: пошелъ вонъ! и солдатъ Нѣмецъ вышелъ.

«— Пошлите-ка моего такого-то солдата!» закричалъ другой Нѣмецкій Государь. Вошелъ и его храбрѣйшій солдатъ, и сказалъ ему Государь его: «я приказываю тебѣ броситься въ это окно!»

«Солдатъ упалъ предъ Государемъ своимъ на колѣни и заплакалъ. «Помилуй, Государь, я еще молодъ. Мнѣ хочется пожить, а брошусь въ окно— убьюсь до смерти.

«— Дрянь! закричалъ нашъ отецъ: ступай вонъ! и этотъ Нѣмецкій солдатъ вышелъ.

«— Ну-ка, кликните теперь моего! сказалъ Петръ Алексѣевичъ.

«— Какого прикажешь? спросили Нѣмецкіе Государи.

«— Да перваго, что на глаза попадется, отвѣчалъ нашъ батюшка. Пошли за Русскимъ солдатомъ. И попался на улицѣ нашъ солдатъ изъ какого-то послѣдняго полка, дрянь дрянью, маленькой — весь что твой кулакъ. Ввели его къ нашему батюшкѣ. Солдатъ вытянулся предъ нимъ какъ струнка, и Петръ Алексѣевичъ закричалъ громко солдату: твой Императоръ приказываетъ тебѣ броситься въ это окно! Солдатъ не выговорилъ ни слова, подошелъ къ окну, перекрестился, сказалъ: Господи, благослови! и бухъ-было за окно. «Стой, стой! закричалъ Петръ Алексѣевичъ, схвативъ его за ногу, и возговорилъ Нѣмецкимъ Государямъ: «вотъ солдатъ, такъ солдатъ! Вотъ храбрый

солдатъ, это Русскій, не таковъ, какъ ваша дрянь солдаты Нѣмецкіе.

— Какъ же, братъ Алеша не любить-то насъ нашему батюшкѣ Государю?

Петръ, не смотря на то, что былъ нездоровъ, съ удовольствіемъ слушалъ разсказъ солдата, и когда солдатъ замолчалъ, Петръ спросилъ его:

— Ну, что, довольны ли вы своими командирами?

— Довольны, братъ Алеша, нечаговорить! Да, вѣдь у нашего батюшки Петра Алексѣевича никто не можетъ дѣло свое забыть. Онъ разомъ развѣдаетъ, кто хорошъ, кто дуренъ. Милостиво наградитъ хорошаго, строго накажетъ дурнаго. Вотъ во время войны съ Шведомъ, ты, я чай, помнишь, какъ Питеръ-то окружили рогатками. Подлѣ нихъ разставили часовыхъ солдатъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ окаянный Шведъ не пробрался въ Питеръ, да чего не напакостилъ.

Вотъ и задумалъ въ одну ночь батюшка Петръ Алексѣевичъ: «дай развѣдаю, вѣрны ли у меня часовые подлѣ рогатокъ?»

«Перерядился онъ по Шведски, какъ ходятъ *ихніе* купцы, и шасть къ одному часовому. Послушай-ка, служивый, пропусти меня черезъ рогатку: я тебѣ подарю рубль. Проходи! крикнулъ солдатъ, пяти невозьму!—Ну, я десять дамъ. — Проходи мимо, не пропущу, а не уйдешь, застрѣлю! и ружье приложилъ въ него служивый. Императоръ ушелъ отъ этого часоваго. Подошелъ къ другому и ну торговаться съ другимъ. Дернулъ его лукавый: за два рубля пропустилъ онъ его черезъ рогатку. На утро глядимъ, съ барабаннымъ боемъ повѣстили всѣмъ намъ, что перваго часоваго пожаловалъ Царь капраломъ и подарилъ ему десять рублей, а втораго приказалъ повѣсить.

Тара да бара, солдатъ идетъ подлѣ

Петровой лошади. Часа полтора уже прошло, какъ они опять вступили съ долины въ лѣсъ, а лѣсъ все не кончается. Солдатъ, наконецъ вышедъ изъ терпѣнія, вскричалъ: «да скоро ли конецъ-то этому проклятому лѣсу! хоть бы его чортъ на дрова себѣ побралъ! Ахъ, братъ Алеша, ты уговорилъ меня идти впередъ, — тебѣ хорошо ѣхать-то, а я усталъ, да и спать хочу; я бы соснулъ на долинкѣто, да какъ разсвѣтнетъ, разомъ бы выбрался на большую дорогу, а теперь и чортъ знаетъ куда ты ѣдешь, а я за тобой иди! . . .»

— Куда нибудь да выѣдемъ, сказалъ Петръ, — и коли ты усталъ, то садись со мною на лошадь.

— Нѣтъ, братъ, я не изъ конныхъ и не изъ псарей, а пѣхотинецъ, и одинъ не съумѣю сидѣть на вашихъ бойкихъ коняхъ, не только вдвоемъ. А вотъ хорошо бы, хоть въ какую нибудь лѣсную избу забресть намъ.

Знаешь что, братъ Алеша, не мастакъ ли ты по деревьямъ лазить? Вотъ, коли бы матросъ былъ съ нами, духомъ бы вскарабкался на дерево, да и посмотрѣлъ бы съ него во всѣ стороны, нѣтъ ли гдѣ огонька.

— Да вотъ, вотъ кажись огонь закричалъ Петръ, увидѣвъ въ сторонѣ заблиставшій не въ-далекѣ свѣтъ. Но въ это мгновеніе лошадь его остановилась и захрапѣла.

— Эхъ, съѣдятъ-те мухи! сказалъ солдатъ: не распозналъ, что это волкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ Петръ. — Коли такъ, дай-ка я взлѣзу на сосну, да посмотрю по сторонамъ. Ребятишкой я знатно по деревьямъ лазалъ, что твоя бѣлка, иль матросъ. Только побожись, служивый, что ты не уѣдешь на лошади никуда.

— Что ты? развѣ я нехристъ какой, что оставлю тебя одного ночью, да еще и на деревѣ словно бѣлку! При-

пдось намъ мыкать горе по лѣсу, такъ ужь лучше мыкать вдвоемъ; отъ чарки проклятой плутаю, да что ни говори, братъ Алеша, а вѣрно и ты пропустилъ лишнюю.

Петръ, не прерывая его рѣчи, проговорилъ: «ну то-то же! смотри не обмани, а то худо тебѣ будетъ. Ты на лошади не ускачешь на край свѣта — въ Питеръ, къ полку пріѣдешь, я а не останусь вѣкъ на соснѣ, пожалуюсь на тебя Императору. тогда смотри, что тебѣ будетъ. Петръ слѣзъ съ лошади и отдалъ держать ее подъ уздцы солдату. Хотя было темно въ лѣсу, однако Петръ кос-какъ ощупью нашелъ поблизости удобную сосну и сталъ на нее взлѣзать: это не въ диковинку ему было — онъ самъ служилъ матросомъ, лазилъ на мачты — стоитъ дерева!

Петръ взбирается по соснѣ, цѣпляется за сучья, пробуетъ ихъ рукою, становится на сучья ногою, распра-

вляетъ вѣтви и быстро подымается выше и выше. Солдатъ, взявъ подъ уздцы лошадь, ударилъ ее по груди и проговорилъ: «экой важный конь!» конь храпитъ.—«Ну, если бы на моемъ мѣстѣ былъ мошенникъ какой,» думаетъ служивый: «сѣлъ бы онъ на коня этого молодецкаго, да и поминай какъ звали; оставайся на соснѣ, братъ Алеша, звѣзды считать!» Конь ростъ землю копытами и храпитъ. Солдатъ тихонько ударяетъ его по широкой груди и приговариваетъ: «цы...! пру...! цы...! пру!» Ударялъ, ударялъ коня служивый, да и ударилъ рукою обо что-то мѣдное иль серебряное, привязанное къ сѣдлу; онъ взялъ находку въ руки. Кажись фляжка; потрясъ ее. «Ну, братъ, благодарствуй, тамъ что-то болтается.» Духомъ отпустилъ солдатъ повода, откупорилъ фляжку. «Дай понюхаю,— думаетъ служивый, — а то чего добраго, не хватить бы такого, что мигомъ окачуришься, да

и ножки протянешь.» Онъ фляжку къ носу.

«Вотъ съѣдятъ-те мухи!» тихо вскричалъ онъ: «анисовая водка.» Солдатъ буль-буль-буль въ ротъ, глотнулъ! «Тьфу! какая важная, крѣпчайшая!» Онъ перекрестился, проговорилъ «благослови, Господи! Ну, хорошъ! взлѣзай, взлѣзай, братъ Алеша, а я тутъ за твое здоровье пропущу, усталъ до смерти!» и ну служивый тянуть изъ фляжки. . .

Петръ между тѣмъ, расправляя вѣтви съ опаспостію выколоть себѣ глаза, оцарапать лице, взлѣзъ на верхъ сосны и ухватился за макушку ея. Бывшій до того отъ вѣтвей мракъ смѣнился лунным свѣтомъ. Петръ бѣгло посмотрѣлъ вокругъ себя: обширный безконечный лѣсъ, какъ мрачное дремлющее море, во всѣ стороны разстилался вокругъ Петра. Неровныя макушки сосенъ, одна выше, другая ниже, отдѣляли одна другую. Петръ

взглянулъ на небо: на чистомъ сентябрскомъ небосклонѣ горѣли милліоны звѣздъ, а золотая луна, казалось, хотѣла совсѣмъ залить своимъ свѣтомъ лѣсное море, изъ волнъ котораго глядѣлъ Петръ:

Очутясь изъ лѣсной темноты средн такой чудно-величественной картины, задумчивый Петръ позабылъ на минуту, зачѣмъ взлѣзъ на дерево, и думаетъ, смотря на природу: «Господи! какъ хорошо! многіе ли люди хоть разъ въ жизни своей видятъ подобную картину! Что, если бы подняться въ высоту! туда.... туда — за мѣсяцъ за звѣзды!... Можетъ быть я очутился бы въ такомъ свѣтѣ, среди такой сладостно - величественной картины, предъ которыми этотъ лунный свѣтъ, это ведреное осеннее небо съ свѣтилами небесными были бы такъ ничтожны, какъ внизу подъ деревомъ ничтоженъ свѣтъ, ничтожна картина передъ этой свѣтлою, величественною

картиною. Но съ этимъ тяжкимъ тѣломъ не подняться туда: нѣтъ до неба ни дерева, ни лѣстницы. Только душа наша, излетѣвъ изъ земной оболочки своей, можетъ достигнуть до той высоты!»

Размечтавшись такъ, Петръ смотритъ только въ правую сторону, да прямо: то вскидываетъ глаза съ лѣснаго моря на звѣздное небо, то снова опускаетъ ихъ на дивное море. Но вдругъ солдатъ, оторвавшись на минуту отъ фляжки, закричалъ ему снизу: «Ну, что, братъ Алеша, даетъ ли что Богъ?» и этими словами вывелъ Петра изъ мечтаній. Онъ пересталъ мысленно возноситься къ небу и сталъ смотрѣть кругомъ себя. По правую сторону все темно въ лѣсу, и онъ обернулся на лѣвую. . . .

Солдатъ тѣмъ временемъ докончилъ всю фляжку, закупорилъ ее и, опустивъ на прежнее мѣсто, опять крикнулъ: «Ну что, даетъ ли Богъ?» Въ

эту минуту Петръ закричалъ съ дерева: «влѣвѣ, не вдалекѣ блеститъ огонекъ; сдается — и дорога наша идетъ на него.» — «Не волкъ ли это опять?» — «Нѣтъ, это огонь!» и Петръ, окинувъ взоромъ въ послѣдній разъ вокругъ себя, взглянулъ еще разъ на небо и началъ спускаться внизъ; минуты черезъ четыре изъ дивнаго свѣта онъ снова очутился въ темнотѣ внизу.

— Ну! слава Богу, служивый! влѣвѣ огонекъ, сказалъ Петръ: вѣрно въ избѣ лѣсничаго.—Солдатъ былъ уже на второмъ взводѣ: онъ таки довольно осушилъ анисовки. «Слава Тебѣ, Господи!» говоритъ онъ: «садись скорѣе на лошадь, Алеша, да и впередъ. Мнѣ ѣсть, какъ собакѣ, хочется. Въмѣшкѣ у меня одни черные сухари остались, а тамъ, станется, найдемъ что и послаще.

Петръ потрепалъ коня по холкѣ и вспрыгнулъ на сѣдло. «Ну, хочешь, садись со мною, служивый, и поѣдемъ рысью,» сказалъ Петръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ Алеша, избавь меня пожалуй, а поѣзжай потихоньку, не покидай меня одного; самъ давича подбилъ меня идти съ долины. Этакъ добрые люди не дѣлаютъ: намъ вдвоемъ веселѣе будетъ. Да еще и чортъ знаетъ, что это за огонь: статься можетъ имъ лѣшій подразнилъ насъ, а ежели и взаправски огонь, то еще добрымъ ли людямъ онъ свѣтитъ: случится и я пригожусь тебѣ! У меня, братъ, этотъ дуракъ вострый тесакъ хоть съ кѣмъ поцѣлуется. Говоря это, солдатъ гремѣлъ тесакомъ, думая про себя: «Куда мнѣ теперь садиться съ тобою на коня: къ ворожеѣ не ходи, духомъ свалюсь, какъ спошъ, — больно крѣпокъ напитокъ-то ты возишь съ собой!»

— У меня у самаго есть чѣмъ заставить языкъ прикусить, сказалъ Петръ, вытащивъ изъ-за кушака до половины большой охотничій ножъ, котораго не могъ въ потемкахъ раз-

глядѣть солдатъ. Да все не покину тебя, служивый: станемъ вмѣстѣ впередъ подвигаться. Сказавъ это, Петръ поѣхалъ по прежнему шагомъ. Солдатъ пошелъ около его лошади. Только валежникъ хруститъ по дорогѣ.

Повѣрите ли вы, что Петръ на лошади не успѣвалъ маленькой рысью за солдатомъ и долженъ былъ ѣхать шибче. Такъ улепетывалъ пѣхтуромъ служивый. Будто ужь и отъ хмѣльнаго? скажете вы. Можетъ статься, онъ обрадовался, что скоро доберется до жилья. — Оно можетъ и такъ, да ужь повѣрьте: все, коли бы въ головѣ у солдата не было засыпано, не поспѣлъ бы онъ такъ скоро.

— Ого-го! какъ ты жилью-то обрадовался! молвилъ Петръ:—я и на лошади за тобою не поспѣваю.

— Ага, братъ Алеша! ужь я какъ примусь идти, такъ у меня только держись! громко проговорилъ солдатъ,

и затянулъ сперва унылымъ, а потомъ веселымъ голосомъ:

Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званью Шлиссельбургомъ,
Весьма скоро Шведы догадались,
Они ударили тотчасъ въ барабаны.
Да что возговорилъ нашъ батюшка Императоръ:
«Ахъ, вы ли [illegible]мые мои братцы, Генералы:
Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте —
Еще [illegible] ли намъ Орѣшекъ,
Иль не лучше-ль отъ него отступити?»
Что возговорятъ всѣ Генералы:
«Ахъ, ты нашъ батюшка, Государь Царь,
Еще сила наша будетъ надо,
Что не лучше-ль намъ отступити.»
Какъ возговоритъ надежда Государь Царь:
«Ахъ вы, дѣтушки мои, солдаты!
Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярые тутъ пчелы зашумѣли,
То возговорятъ Россійскіе солдаты:
«Ахъ! ты нашъ батюшка Государь Царь!
Намъ водою къ нему плыть, не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ идти—ни досягнути,
А что брать ли, иль не брать ли бѣлой грудью!»
Тронулось войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились ворота не продѣланы,
А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобный.

— Вотъ на! сказалъ Петръ: ты что-то вдругъ развеселился, служивый. Смотри, пожалуй, и пѣсни запѣлъ!

Едва докончилъ солдатъ пѣсню, какъ впереди между деревъ появился просвѣтъ, послышался съ той стороны собачій лай и черезъ нѣсколько минутъ солдатъ съ Петромъ были не вдалекѣ отъ каменнаго двухъ-этажнаго, не высокаго, но длиннаго домика, построеннаго посреди небольшой поляны, опоясанной со всѣхъ сторонъ сосновымъ лѣсомъ. Въ одномъ изъ верхнихъ оконъ дома свѣтился огонекъ. Невысокое деревянное строеніе съ навѣсомъ помѣщалось не вдалекѣ отъ дома и вмѣстѣ съ домомъ было окружено довольно высокимъ деревяннымъ заборомъ.

«Эге-ге, съѣдятъ-те мухи, куда это мы попали? закричалъ солдатъ: ужь не въ раскольничій ли скитъ? Это не лѣсничьи хоромы, братъ Алеша!

Если бы Петръ былъ здоровъ, то

встрѣча подобнаго дома въ глуши обширнаго лѣса привела бы Царя въ большое удивленіе и обратила бы на домъ этотъ все любопытство Царя. Но теперь это подѣйствовало слегка. При сильномъ лаѣ собакъ на дворѣ около забора, выѣхалъ на поляну Петръ и минутъ съ пять окидывалъ глазами это лѣсное жилище. Солдатъ же тѣмъ временемъ уже былъ около запертыхъ широкихъ тесовыхъ воротъ съ боковою калиткою, смышляя, что въ этакихъ хоромахъ можно сыскать, что поѣсть посытнѣе, да послаще. Служивый началъ пробовать ворота и калитку, думая, не отворятся ли они. — Нѣтъ, братъ, заперты со двора, — и солдатъ принялся безъ милосердія барабанить въ ворота. Собаки, по ту сторону воротъ, такъ и заливаются на служиваго. Барабанилъ, барабанилъ солдатъ, нида руки всѣ отбилъ, а на дворѣ никого не слышно, кромѣ собакъ. Тутъ подъѣхалъ къ

служивому и Петръ, и оба принялись они громко кричать: гей! добрые люди, добрые люди! пустите переночевать. Кричали, кричали, а никто не идетъ, да и огонь въ окнѣ пропалъ.

— Что тутъ, лѣшій что-ль живетъ? закричалъ съ сердцемъ солдатъ: да и тотъ, я чай, послышалъ бы насъ! Да вотъ постой, братъ Алеша, вотъ, кажись у забора лежитъ булыжникъ. Солдатъ мигомъ бросился туда и вернулся съ большимъ камнемъ. Какъ началъ служивый колотить имъ въ тесовыя ворота, такъ только по лѣсу отдается. И диво дивное: кажись надобно бы воротамъ совсѣмъ съ петлями вылетѣть, а на дворѣ, кромѣ собакъ, никого не слышно, никто и голоса не подаетъ.

—Живые иль мертвые тутъ живутъ? кричалъ солдатъ сильно разсержен-ный. Что вы, проклятые, думаете? постучимся мы, постучимся да и поѣдемъ мимо? Нѣтъ, врешенки-врети

— коль не впустите, то и сами войдемъ. Подъѣзжай-ка, братъ Алеша, поближе къ воротамъ. Я взлѣзу къ тебѣ на лошадь, перемахну черезъ ворота, растворю ихъ, да и встрѣчу тебя съ поклономъ. Дѣло-то ладнѣе будетъ.

— Догадался ладно, служивый! Вѣрно здѣсь глухіе живутъ, проговорилъ братъ Алеша, подъѣхалъ къ воротамъ и сталъ съ лошадью бокомъ къ нимъ вплоть.

«А, вотъ, постой, коли не услышали насъ, то увидятъ! говорилъ солдатъ, взлѣзъ на лошадь, и съ нея вскарабкавшись на ворота, махнулъ черезъ нихъ на дворъ, сопровождаемый звукомъ: тр.. р.. р.. Правая рука его зацѣпилась за гвоздь и солдатъ разорвалъ мундиръ и оцарапалъ до крови руку.

«Чтобы черти разорвали того, кто живетъ здѣсь! Чтобы въ три корки того скрючило! кричалъ безъ мило-

сердія служивый, соскочивъ на земь. Собакъ съ пять съ остервенѣніемъ бросились на него.

«Вотъ я васъ! крикнулъ солдатъ, замахнувшись на нихъ. Не отстаютъ собаки, — одинъ бросаются на него, другія такъ и лѣзутъ подъ ноги. Какъ выхватилъ солдатъ тесакъ, да и началъ рубить то ту, то другую. Двѣ собаки, жалостно завывъ, растянулись на землѣ околѣвать, остальныя съ визгомъ побѣжали прочь. Отпирая ворота, заложенныя засовомъ и откладывая подворотню, солдатъ безъ пути бѣсился и ругался такъ немилосердно, что сказать уже нельзя. «Эки глухіе анаѳемы! покрякивалъ солдатъ: по милости вашей, я казенный мундиръ, да свою кровную руку распоролъ, — чтобы за это проклятымъ глухимъ пострѣламъ ни спалось, ни ѣлось, чтобы злая кумаха (*) истрясла васъ, изсушила тоньше бабьяго веретена,

(*) Лихорадка.

чтобы ни на здѣшнемъ, ни на томъ свѣтѣ не было вамъ покоя!

— Что ты такъ разсерчалъ на собакъ, за чѣмъ перерубилъ ихъ? сказалъ *братъ Алеша*, въѣзжая на дворъ и увидѣвъ распростертыхъ на дворѣ двухъ собакъ, исходящихъ кровью.

«Да, тебѣ тутъ верхомъ-то хорошо толковать, а мнѣ пѣшкомъ плохо между собакъ, да еще такихъ злыхъ — такъ подъ ноги и лѣзутъ, того смотри, что цапнутъ тебя! — отвѣчалъ солдатъ, вкладывая въ ножны тесакъ.

Въ это самое время отворилась дверь дома, къ которой вела ступенекъ о шести лѣстница съ деревяннымъ навѣсомъ; крестьянская баба, съ фонаремъ въ рукахъ, вышла встрѣчать пріѣзжихъ; кланялась имъ въ поясъ, она проговорила: «милости прошаемъ! милости прошаемъ, отцы родные! милости прошаемъ!

«Вѣдьма ты этакая Кіевская! этимъ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

встрѣтилъ солдатъ крестьянку, подбѣгая къ крыльцу: чтобы дочери твои за чертей повышли, сыновья на вѣдьмахъ пожепились, чтобы внуками у тебя чертенята были! иль тебѣ, проклятой, навозомъ кто уши заколотилъ? Экая ты злодѣя! битый часъ стучали мы въ ворота, я чай, всѣхъ воронъ по лѣсу спугали, а ты не слыхала, вѣдьма! По твоей, проклятой, милости, разорвалъ я казенный мундиръ, да распоролъ руку. Ты со мною даромъ не раздѣлаешься, съѣдятъ те мухи: пересчитаю я у тебя кулаками всѣ ребры!

— Что ты, что ты такъ разсерчалъ, служивый? милости просимъ! милости прошаемъ! говорила баба, кланяясь ему въ поясъ.

«Полно, служивый, не бранись, сказалъ Петръ. Иль не вѣдаешь что-ли обычая: во многихъ деревняхъ не пускаютъ проѣзжихъ на ночлегъ, а какъ войдутъ сами, какъ мы съ то-

бой, то хозяева не знаютъ уже, чѣмъ и потчивать гостей. Не такъ ли, тетушка? прибавилъ Петръ, подъѣхавъ за солдатомъ къ крыльцу и слѣзая съ лошади.

— Вѣстимо такъ, родимый! отвѣчала съ низкимъ поклономъ Петру крестьянка.

«Тебѣ, братъ Алеша, хорошо толковать-то: у тебя все цѣло; а я какъ съ заплатою въ полкъ покажусь? кричалъ солдатъ, размахивая руками, словно у себя дома. Чтобъ чортъ сжевалъ тебя, проклятую бабу, вмѣсто сухой лепешки! Что вы за люди такіе? говори, проклятая!

— Не гнѣвайся, милостивецъ, мы люди бѣдные, кормилецъ. Сожитель мой промышляетъ звѣриной охотой въ этомъ лѣсу, — отвѣчала крестьянка съ поклономъ въ поясъ.

«Да гдѣ-жъ онъ? Что-жъ не идетъ встрѣтить насъ, съѣдятъ его мухи!

— Не бывалъ еще съ охоты — нынче ранехонько утромъ выѣхалъ.

«Коли хозяина нѣтъ, батрака высылай къ намъ: надо лошадь нашу раззнуздать, да куда нибудь поставить покормить.

Петръ въ это время держалъ лошадь подъ уздцы и приголубливалъ ее.

— Насъ осталось *дома всего* я, да нѣмая, глухая дочь. Ужь вы сами, отцы родные, смогите какъ нибудь управиться съ лошадью. Я васъ провожу въ конюшню. Баба сошла съ крыльца, повела за собою палѣво, къ деревянному строенію, храбрившагося солдата и Петра, который велъ за поводья лошадь. Баба освѣщала имъ дорогу фонаремъ, отъ котораго упадала на землю свѣтлая полоса. Подошедъ къ строенію, крестьянка отворила дверь, обитую снаружи цыновкою, и ввела ихъ въ конюшню. Конскій паръ обхватилъ ихъ обоняніе. Четыре стойла пустовали, въ двухъ остальныхъ стояли двѣ лошади, оборотившія головы на огонь.

«Бѣдные вы люди, а какіе копи важные! — сказалъ солдатъ, смотря на лошадей.

— Такіе нужны по ремеслу нашему гоняться за звѣрьми, кормилецъ отвѣчала хозяйка.

Когда Петръ съ солдатомъ началъ разсѣдлывать лошадь, то первый, отвязавъ отъ сѣдла фляжку, чтобы положить ее за пазуху, почувствовалъ что она легка. Онъ тряхнулъ ее: ничего и не болтается. А, братъ служивый, вотъ отъ чего ты развеселился-то! пустехонька — хоть бы глотокъ мнѣ оставилъ, злодѣй! проговорилъ Петръ, тряхнувъ фляжкою, и пустую опять привязалъ къ сѣдлу.

— Не погнѣвайся, братъ Алеша: поздравилъ тебя, какъ взлѣзъ ты на сосну, проговорилъ откровенно служивый, разсѣдлывая и раззнуздывая съ Петромъ лошадь. Духомъ это было сдѣлано. Лошадь поставили въ стойло, привязали. Солдатъ насыпалъ ей овса,

наклалъ сѣна и молвилъ: «пить теперь вдругъ съ дороги не годится: какъ-разъ запоишь — пускай поостынетъ.

— Да ужь не знаю, развѣ она, да ты, служивый, распотѣли, я еще что-то озябъ, такъ и подмываетъ меня въ хату, сказалъ Петръ. Пойдемъ, служивый, пойдемъ; хозяйка, свѣти-ка намъ, да веди насъ къ себѣ въ гости. Петръ отворилъ дверь и пошелъ изъ конюшни, а за нимъ отправились и солдатъ съ крестьянкой, которая, опередивъ Петра, освѣщала ему фонаремъ дорогу.

«Эхъ ты, зябля эдакой—въ петровки замерзъ! а мнѣ такъ до смерти жарко! говорилъ служивый.

— Да, служивый, и мнѣ было бы потеплѣе, если бы ты хоть глотокъ анисовки оставилъ мнѣ, молвилъ Петръ, не покидая своей задумчивости. Безмолвствуя, прошелъ онъ дворъ, и между тѣмъ, какъ хозяйка запирала ворота, онъ вошелъ на крыльцо и, от-

воривъ дверь, вступилъ въ теплыя довольно обширныя сѣни. Дверь направо отворилась и изъ нея вышла встрѣчать гостей молодая крестьянская дѣвушка со свѣчей въ рукѣ. Тутъ сѣни съ помощію этой свѣчи и фонаря, съ которымъ подоспѣла хозяйка, вполнѣ освѣтились. По лѣвую сторону сѣней шла около стѣны не такъ широкая крутая лѣстница вверхъ на чердакъ къ открытому творилу наподобіе погребнаго. Только это успѣлъ мелькомъ замѣтить служивый, вѣроятно, отъ того, что, вошедъ въ сѣни, онъ напалъ глазами прямо на эту лѣстницу и не замѣтилъ здѣсь ни сухихъ, ни колотыхъ дровъ, ни корыта, ни корчагъ, вмѣстѣ съ другими принадлежностями домашняго хозяйства; не замѣтилъ даже лоханки, метлы и лопаты, которыя въ углу недалеко отъ сѣнныхъ дверей, словно часовые, караулили все здѣсь бывшее.

Дѣвушка, довольно пригожая, молчала и, низко кланяясь гостямъ, проси-

ла ихъ этимъ войти на право, черезъ отворенную дверь, въ обширную, бѣлую избу. Братъ Алеша первый вступилъ въ хату. Русская выбѣленная печка, необходимая принадлежность избы, какъ главная кормилица, располагалась по стѣнѣ; на лѣво отъ двери, на другомъ концѣ печки былъ слѣланъ входъ на нее и помѣщалась *казенка*. Кругомъ всей избы, исключая печки, тянулись деревянныя широкія лавки, а направо въ переднемъ углу, вверху, стояли образа старинаго письма, внизу же помѣщался поставецъ и около лавокъ большой, продолговатый, четвероугольный бѣлый столъ, да двѣ три скамейки кочевали по избѣ. Вотъ и все, что было въ избѣ; да бишь, *самое-то главное* и позабылъ: въ ней было четыре окна и налѣво затворенная дверь въ другую комнату.

Братъ Алеша, войдя въ избу, обнажилъ голову и помолился на образа. Въ то же время вошелъ и солдатъ. Онъ

схватилъ съ себя шапченку и, перекрестясь въ передній уголъ, грозно закричалъ:

«Сейчасъ же зашей мнѣ мундиръ, чортова кукла, не-то я всѣ ребры у тебя перецупаю!

— Да помилуй меня, родной кормилецъ, проговорила хозяйка: изволь застекаю.

«Зашивай сейчасъ, чертовка, вотъ я сяду! Служивый сѣлъ на лавку по близости отъ сѣнной двери и ласково сказалъ хозяйской дочери: а ты, красавица хорошая, приготовь намъ съ честнымъ охотникомъ поужинать посытнѣй чего, да и послаще.

Братъ Алена, снявъ съ головы черный бархатный картузъ, бросилъ его на скамью подлѣ стола, сѣлъ въ переднее мѣсто за столъ и, облокотясь на него, подперъ руками голову, опущенную довольно коротко подстриженными темнорусыми, или почти черными волосами. Его полное, нѣ-

сколько смугловатое лице и черные огненные глаза выражали доброту и строгость, а небольшіе черные усы придавали возвышенность его взгляду; темный кафтанъ, на манеръ польскаго, составлялъ одежду брата Алеши; черезъ плечо, на черной перевязи, висѣлъ охотничій серебряный рожокъ. Предаваясь задумчивости, братъ Алеша промолвилъ: «хозяйка, дай-ка мнѣ чего нибудь выпить, да закусить, а ужинать мнѣ что-то не хочется!

Дѣвушка не поворачивалась съ мѣста, а хозяйка, сходивъ въ другую комнату за иглой, остановилась, посреди избы и, сложивъ на груди руки, поклонясь въ поясъ Петру и солдату, проговорила:

— Отцы мои родные, не прогнѣвайтесь, милосердые! нечего мнѣ дать вамъ выпить. Что было простаго вина, все взялъ хозяинъ съ собою на дорогу, да нынче для двоихъ насъ и куманья-то не готовила: ѣли съ дочерью вчерашніе щи, да кашу.

«Врешь ты, старая вѣдьма, чтобы у тебя не было вина, да чего ни есть изъ съѣстнаго, окромѣ вчерашнихъ щей, да каши! — закричалъ солдатъ.

— Нѣтъ, милостивцы, хоть сами въ печкѣ обыщите.

«Ну, ладно, ладно, зашивай мнѣ мундиръ-то, а тамъ я поговорю съ тобою!

Хозяйка поставила свѣчу на скамейку и, сдѣлавъ знаками нѣмой дочери, чтобъ она накрывала на столъ и вынимала изъ печки кушанье, принялась зашивать мундиръ.

Служивый не смотрѣлъ на эту работу, а съ любопытствомъ поглядывалъ на работу хозяйской дочери, которая постлала кусокъ холстины середи стола, достала изъ столоваго ящика полкоровая чернаго хлѣба, и вынувъ оттуда же двѣ деревянныя ложки, положила ихъ на столъ,— сняла съ полки два деревянныхъ кружка и фигурную деревянную солонку, и помѣстила все это на столѣ.

Задумчивый Петръ не обращалъ вниманія на то, что дѣлалось подлѣ него, а солдатъ посматривалъ и думалъ: — покамѣсть хорошо, что-то дальше будетъ! да какъ вдругъ вскочитъ: «Ой! что ты колешься, чертовка? иль хочешь рукавъ-то пришить мнѣ къ тѣлу?

— Прости, родимый, рука что-то потряслась; человѣкъ я ужь не молодой, проговорила хозяйка, затягивая узелъ и тѣмъ оканчивая свою работу. Она откусила нитку, накинула въ сторону, воткнула иголку въ нагрудникъ сарафана и молвила: совсѣмъ, кормилецъ!

«Ну, вотъ ладно, сказалъ солдатъ, посмотрѣвъ на зашитый рукавъ. Бодро вскочивъ со скамьи, служивый сталъ середи избы и громко закричалъ на хозяйку: «иль ты шутишь, что намъ у тебя нѣтъ ничего выпить, да поѣсть, окромѣ вчерашнихъ щей, да каши?»— Нѣту, родной мой сударикъ, говорила

хозяйка, открывъ заслонку и ухватомъ вытавскивая изъ печи горшокъ со щами: вотъ ты самъ въ печи посмотри! прибавила хозяйка.

«А что же ты думаешь, не посмотрю что ли? всю у тебя печь избарабошу! Служивый бросился къ печкѣ въ то самое время, когда хозяйка наливала щи изъ горшка въ чашку: нашъ солдатъ едва далъ ей окончить это и отправиться къ столу съ чашкой, изъ которой шелъ легкій паръ. Служивый схватилъ ухватъ и ну шарить въ печкѣ: только и попался одинъ горшокъ: онъ вытащилъ его. Сухая, кажись, недѣльная каша; шарилъ солдатъ, шарилъ во всѣ стороны по печи, всю золу перерылъ, а ничего нѣтъ и малаго горшечка не попадется. — Ну, что, братъ Алеша, хоть щи-то каковы? крикнулъ онъ, обращаясь къ Петру, и съ сердцемъ шваркнулъ ухватъ въ уголъ, такъ что по близости сидѣвшій на лавкѣ сѣрый котъ вспрыгнулъ на аршинъ и бросился подъ лавку.

Петръ заглянулъ въ чашку. — Ну, служивый, молвилъ *онъ*: другая вода жирнѣе этихъ щей!

«Такъ что-жь, съѣдятъ тебя мухи, старая хрычевка, шутить что-ли задумала съ нами? Врешь ты, вѣдьма проклятая: у тебя гдѣ ни есть, да спрятано съѣстное. Сейчасъ подавай его. Ты знаешь ли кто мы? я первый солдатъ батюшки Императора Петра Алексѣевича, а это самый любимый его охотникъ! Гдѣ хочешь возьми, а подай намъ вина, да чего ни есть, окромѣ этихъ щей. Ты вѣрно себѣ купаться ихъ сварила!

Увидѣвъ вытащенный тесакъ, баба упала солдату въ ноги и завопила: и рада бы радостью такихъ гостей накормить до сыта, напоить до веселья, да негдѣ взять, родимый. Помилуй, милостивецъ, не губи души моей, пусти на покаяніе!

«Врешь, старая корга, обманываешь насъ, такъ же какъ давича не отпирала ворота!

— Я не обманываю! молоко, если хотите, родимые, то ѣшьте, сколько душѣ угодно.

«Сама ты его на ночь трескай, а я нынче намаялся, спать хочу. Ты тутъ на печи-то цѣлый день сидѣла, а я землю мѣрилъ.

— Покинь ее, служивый, помолись Богу, да садись, ѣшь хоть щи, вѣрно и взаправду у ней нѣтъ ничего, окромѣ этихъ щей, проговорилъ Петръ, выйдя немного изъ задумчивости и взглянувъ на солдата.

«Нѣтъ, родимый, видитъ Богъ, нѣтъ, мой милостивецъ, хныкала жалобнымъ голосомъ хозяйка, повернувшись на колѣнкахъ къ Петру и, жалобно сморщась, смотрѣла на него, сложа на груди руки кулаками почти у своего подбородка.

— Что ты ей вѣришь старой хрычовкѣ? Ты сиди знай, братъ, не въ свое дѣло не мѣшайся! крикнулъ солдатъ, мигнувъ глазомъ брату Алешѣ,

и снова закричалъ на хозяйку: нѣтъ, проклятая, вишь ты, сама слава Богу съ быка добраго, а съ этакихъ щей такою не будешь! Ну же, старая грыжа, говори скорѣе: куда ты запрятала вино, да все съѣстное?

Петръ снова погрузился въ задумчивость.

— Отецъ родной, взмилуйся, нѣтъ ничего! завопила хозяйка, снова бросясь солдату въ ноги. Дочь хозяйкина, стоявшая поодоль и блѣдиѣвшая все болѣе и болѣе при увеличеніи гнѣва солдата, вдругъ бросилась къ поставцу, находившемуся подъ образами. Но мать вдругъ приподнялась и глазами хотѣла остановить ее, да ужь было поздно: солдатъ поспѣшно тесакъ въ ножны и бросился къ поставцу. Поставецъ запертъ. Служивый, не разговаривая болѣе, схватилъ топоръ и вигомъ сбилъ запоръ. Открылъ поставецъ и что же? экая грѣховодница хозяйка! въ поставцѣ на полкахъ: и

жирная говядина и ветчина и гусь и съ чѣмъ-то полная стклянница, величиною въ питофъ. Солдатъ оттолкнулъ ее, попробовалъ—Донская водка. «Ну, съѣдятъ тебя мухи, какое раздолье! вскричалъ служивый, весело смотря на обитателей поставца. Экая ты, вѣдьма проклятая, вѣрь тебѣ! закричалъ онъ хозяйкѣ. Для кого это ты припрятала, чертовка? иль безъ мужа поджидала къ себѣ молодчика? Бесстыжая ты баба, какъ у тебя луполы-то еще смотрятъ!

Этимъ заключилъ солдатъ рѣчь свою къ хозяйкѣ и принялся все таскать изъ поставца на столъ. Петръ улыбнулся, а хозяйка, вставши съ полу и, поджавъ рукою голову, безмолвствуя, посматривала сердито на дочь и жалостно на хозяйничанье солдата, думая: погодите, голубчики, поплатитесь вы за это, нынче же ночью, головами своими буйными!

— Ну, спасибо тебѣ, красавица! мол-

вилъ служивый дочери хозяйской. Не въ мать свою ты уродилась—похвалю я тебя за то женихамъ, а теперь съ добрымъ молодцемъ выпьемъ за твое здоровье! и солдатъ, вытащивъ изъ поставца стклянницу, поставилъ ее на столъ, а съ нею и двѣ оловянныя чарочки.

Съ радостью смотря на все помѣщавшееся на столѣ и особливо на любезную стклянку, служивый ударилъ по плечу брата Алешу и, улыбаясь, проговорилъ: «Эфу ты, съѣдятъ тебя мухи! какой чудный ужинъ мы себѣ добыли! Ну-ка, панъ добродзій, откупоривай стклянницу-то, да наливай себѣ и мнѣ.

— Наливай-ка ты, молвилъ братъ Алеша, кивнувъ головою на стклянницу. Чарки были наполнены и братъ Алеша съ солдатомъ взяли ихъ въ руки, проговоря хозяйской дочери: Ну, за твое здоровье, красавица! перекрестились, выпили и принялись ужинать. Братъ

Алеша ѣлъ мало, не выходя совершенно изъ задумчивости. Но солдатъ такъ ужь точно уплеталъ за десятетыхъ, только косточки хрустѣли у него на зубахъ. Давно уже кончивъ ужинъ и поблагодаря Бога, братъ Алеша по прежнему сидѣлъ, подпершн кулаками голову, а солдатъ еще все хлопоталъ около жирнаго гуся. Велѣлъ служивый подать себѣ жбанъ квасу и, запивая то имъ, то водкой, не переставалъ ѣсть и по временамъ говорить:

«Что ты, братъ Алеша, о чемъ все думаешь? ужь ты что ни говори, а право у тебя съ похмѣлья голова болитъ крѣпко.

— Нѣтъ, я это такъ, служивый, молвилъ Петръ: спать хочется. Ужинай скорѣе: напоимъ лошадь, да и заляжемъ.

«Не-нто, братъ, только вотъ дай ужь съ гусемъ-то покончить: гусь дивный! Свой домовый что ли это, хозяйка? спросилъ солдатъ.

— Свой, милостивецъ, отвѣчала она съ низкимъ поклономъ: рада, милостивецъ, что по вкусу пришелся твоей милости.

«То-то же, старая! сказалъ солдатъ: впередъ отъ солдата ничего не прячь, первый кусокъ ставь ему на столъ; пропадешь ни за что, какъ разсердится солдатъ — у солдата бѣдовое сердце. Слушай-ка, я разскажу тебѣ, баба. Въ одни поры пришелъ солдатъ въ деревню, въ избу на постой.—Пришелъ не такъ, какъ теперь я, а въ полной аммуниціи.—Снялъ онъ съ себя шляпу, помолился Богу въ первый уголъ на образа, положилъ шляпу на переднюю лавку, поставилъ ружье со штыкомъ въ передній уголъ и положилъ на полочку лядунку съ порохомъ.

«Это солдатское сердце. Ну-ка, голубушка, одолжи-ка чего нибудь поѣсть, да выпить?

«Хозяйка-то была такая же вѣдьма, какъ ты.—Нѣтъ ничего, служивый! хо-

чешь ѣсть вчерашнюю кашу, да щи, пожалуй, вотъ дамъ тебѣ я и мосолыгу; а мужъ подговариваетъ тихонько ей: жена, дай ему жаренаго поросенка, ты еще не знаешь солдатскаго сердца. Не велико боярище, молвила она мужу: и щей поѣстъ, да мосолыгу погрызетъ. Какъ услышалъ солдатъ это, да какъ разсердчалъ, принялся воевать въ избѣ, да хозяйничать: и поросенка и все, что получше, вытаскалъ, да поѣлъ, а еще въ добавокъ такъ отдубасилъ по спинѣ хозяйку, что она завыла и закричала: ой, ой, ой, люто солдатское сердце! Да вѣдь вы, бабы, народъ хитрый! не даромъ пословица говоритъ: чего чортъ не сможетъ, то баба сдѣлаетъ; была вѣдьма, а сама думала: погоди, проклятое сердце, чтобъ чортъ тебя съѣлъ! я съ тобой раздѣлаюсь! Вотъ какъ всѣ полегли, какъ захрапѣлъ солдатъ, она и стащила съ полки лядунку, да и припрятала ее къ себѣ, думая: авось

солдатъ не хватится своего сердца, а ужь я тогда съ тобой сдѣлаюсь. Что же? на утро, отправляясь въ походъ, солдатъ забралъ всю свою аммуницію, а и не въ домекъ, что нѣтъ солдатскаго сердца: такое затменіе пришло. Служивый помолился Богу и ушелъ изъ деревни. «А, попалось мнѣ! вскричала обрадованная хозяйка, теперь я раздѣлаюся съ тобою за вчерашнее. Боясь, чтобы на дорогѣ служивый не хватился своего сердца, хозяйка поскорѣе затопила печь, и въ тѣ поры, какъ окромѣ ея самой никого не было въ избѣ, она вынула солдатское сердце, захохотала, и молвила: ну-ка, пожарься чорту на съѣденье, проклятое! и бросила его въ разгорѣвшуюся печь. И минуты не прошло, какъ грянуло въ печкѣ, словно подкопъ, разорвало всю печь въ дребезги, камнями убило вѣдьму хозяйку, загорѣлась изба и отъ нея сгорѣла вся деревня. Вотъ каково солдатское сердце-то! Бойся его, баба!

прибавилъ служивый, кончая разсказъ, выпилъ еще чарку водки, всталъ, помолился Богу и молвилъ, поклонясь хозяйкѣ: «За хлѣбъ, да за соль благодарствую!»

Петръ улыбнулся, выслушавъ разсказъ служиваго, а хозяйка, какъ будто испугавшись, покачавъ головою, проговорила: «избави, Господи, всякаго христіанина отъ солдатскаго сердца! и начала собирать со стола.

«Ну, хозяйка! крикнулъ солдатъ: гдѣ же бы намъ лечь съ охотникомъ-то?

— Да ложитесь, милостивцы, на любое мѣсто въ избѣ.

«Лечь-то не мудрено, здѣсь есть гдѣ, да пріѣдетъ съ охоты мужъ твой, разбудитъ насъ, а намъ надо завтра рано въ походъ. Что у тебя въ той каморкѣ? для чего ты въ нее дверь-то затворила?

— Разный зброд, отецъ мой, отвѣчала хозяйка, скрывая испугъ.

Солдатъ схватилъ со стола свѣчу,

подлетѣлъ къ затворенной двери, толкнулъ ее ногою: дверь отворилась и солдатъ взошелъ въ другую пространную комнату; въ той комнатѣ безпорядокъ странный: Боже ты мой милостивый! по стѣнамъ висятъ ружья, сабли, кинжалы; множество окровавленной одежды валяется по лавкамъ и угламъ. Солдатъ смѣтилъ, что дѣло не ладно. Ну, съѣдятъ тебя мухи! думаетъ онъ: не къ добрымъ людямъ мы попались. Что дѣлать? отправиться изъ этого, ужь навѣрно разбойничьяго притона, не можно: на дворѣ какъ разъ попадешься въ руки здѣшнимъ хозяевамъ. Да нѣтъ, постой, смышляетъ служивый: на хитрость подымусь. Дѣлать нечa, пришлось переночевать въ этомъ притонѣ. Солдатъ поспѣшно вышелъ изъ этого покоя въ прежній и, какъ будто ничего не замѣтивъ, крикнулъ такимъ же голосомъ, какъ и прежде, и также спокойно: «и тутъ не подходитъ ложиться!

А постой, братъ Алеша, догадался я, гдѣ намъ спокойно будетъ: пойдемъ спать на чердакъ.

— Ну, куда знаешь, служивый, молвилъ, зѣвая Петръ: только поскорѣе. Пойдемъ, напоимъ лошадь, да и запремъ: мнѣ спать захотѣлось.

«Ты посиди тутъ, братъ Алеша, я и одинъ напою, да кстати захвачу ворохъ сѣна: вѣдь надо же на чемъ нибудь намъ лечь. Посвѣти-ка мнѣ, хозяйка!

Петръ, не молвя ни слова, остался на прежнемъ мѣстѣ.

Солдатъ съ услужливою хозяйкою, несшею въ рукахъ зажженный фонарь, отправился къ конюшнѣ, накачалъ изъ колодца въ бадью воды, напоилъ лошадь и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сѣни съ страшнымъ воромъ сѣна, который тащилъ онъ за спиною на веревкѣ.

«Гей, братъ Алеша! крикнулъ служивый, растворяя дверь въ избу: ступай за мною спать!

— Да послушай, служивый, молвилъ Петръ: за чѣмъ намъ на чердакъ лѣзть? ляжемъ здѣсь въ избѣ.

«Нѣтъ, Алеша, слушай меня, ступай сюда. На чердакѣ намъ важно будетъ спать: никто не помѣшаетъ. Ступай сюда!

— Ну, хорошо, сказалъ Петръ, вставая съ мѣста; дай же мнѣ, хозяйка, одѣться чѣмъ ни есть.

Хозяйка, войдя въ избу, подала Петру полушубокъ, и Петръ, помолясь Богу на сонъ грядущій, вышелъ къ служивому въ сѣни. Солдатъ полѣзъ съ сѣномъ по лѣстницѣ на чердакъ, за нимъ и Петръ; насилу протащилъ служивый сѣно въ творило чердака. Хозяйка, между тѣмъ, свѣтила ему снизу. И вотъ солдатъ съ сѣномъ, а за нимъ и Петръ взлѣзли на чердакъ.

Ночь лунная, какъ мы уже видѣли, и потому чрезъ отворенное слуховое окно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно обширнаго чердака, въ тѣхъ, куда

проникалъ лунный свѣтъ, было довольно свѣтло. Шагая черезъ перекладины, солдатъ съ Петромъ выбрали въ сторонкѣ мѣсто и разостлали на немъ сѣно. Петръ окрестилъ свое ложе, перекрестился три раза, и проговоря солдату: ложись, служивый! легъ самъ и одѣлся тулупомъ.

Но не легъ солдатъ: подошелъ онъ къ открытому слуховому окну, и смотря въ него, проговорилъ: «Сейчасъ лягу! дай, братъ, позѣвать въ окно.

Мѣсяцъ лилъ свой роскошный свѣтъ, на осеннюю природу. На землѣ со всѣхъ сторонъ сосновый густой лѣсъ; на небѣ звѣзды, да мѣсяцъ являются глазамъ служиваго. И онъ смотритъ, смотритъ на нихъ и лишь только по временамъ опускаетъ глаза на дворъ: на немъ тихо; только воютъ пораненныя собаки, да по временамъ въ конюшнѣ бьютъ копытами кони о полъ деревянный, да вдали въ лѣсу сосновомъ кричитъ сова. Вдругъ захрапѣлъ Петръ,

— Спи, братъ Алеша, думаетъ солдатъ: ты и не догадываешься, что къ недобрымъ людямъ попались мы. Я не буду всю ноченьку спать: стану стоять на карауль.

Тихо все, только Петръ храпитъ. Служивый стоитъ у окна: смотритъ— прислушивается. Вдругъ послышался по лѣсу гамъ, свистъ, все ближе, да ближе. Ну! смышляетъ служивый: ѣдутъ разбойники, плохо приходитъ; попали мы на ночлегъ.—Надо на хитрость подняться — помоги намъ, Господи!—Будить Алешу не стану: чего добраго, онъ захочетъ одолѣть силою; хоть онъ и богатырь собою, а все съ тремя разбойниками не сладитъ, слабосильные не станутъ разбойничать. Подымусь на хитрость, а коли она не удастся, тогда ужь разбужу на помогу и брата Алешу.

Гамъ, свистъ близко, и вотъ раздается на долинѣ, и вотъ у воротъ. Служивый слышитъ, какъ раствори-

лась дверь сѣней и хозяйка съ дочерью поспѣшно выбѣжали съ фонаремъ встрѣчать своихъ.

Солдатъ мигомъ отскочилъ отъ окна, и сойдя съ лунаго свѣта въ темноту чердака, глядитъ на дворъ. Ворота отворились и пятеро мужиковъ пьяные, съ страшнымъ ругательствомъ въѣхали верхами на дворъ. «Тише, тише! закричала имъ хозяйка: у насъ въ тепета попались два звѣря: одинъ-то солдатъ, взять послѣ него какись нечего, только азаршикъ такой, что и Господи упаси, чуть не убилъ меня: вонъ двухъ собакъ изрубилъ и все поѣлъ, что приготовила я вамъ. За то отъ другаго-то поживимся: Царскій охотишкъ онъ, вѣрно дещежки есть съ нимъ; на немъ виситъ и рожокъ, кажись, серебряный.

— Гдѣ они? тихо спросилъ охрипльй голосъ.

«Спятъ на чердакѣ: я сію минуту слышала, оба крѣпко храпятъ. Ну!

это наши, нечего торопиться, не уйдутъ. Попались въ западокъ. Напередки лошадей уберемъ, да поужинаемъ, тогда перерѣжемъ ихъ.

— Вотъ тебѣ и на! думаетъ служивый: попались мы въ лапы. Господи, сохрани насъ!

Но громкая безпутная брань, охриплый смѣхъ, ржаніе, топанье коней, вой раненыхъ собакъ ни на минуту не умолкаютъ на дворѣ. Сыновья разбойника убираютъ лошадей. Солдатъ обнажилъ тесакъ и, держа его наголо въ рукахъ, сталъ подлѣ творила и думаетъ только: Господи, спаси насъ!

Но вотъ солдатъ слышитъ, какъ захлопнулась дверь конюшни и голосъ не громко крикнувшій: ну, черти, пойдемте ужинать! Слышитъ служивый, какъ разбойники, разговаривая, идутъ къ дому. Сердце екнуло у солдата. Вотъ разбойники входятъ на лѣстницу, отворяютъ дверь. Солдатъ присѣлъ на корачки, тесакъ у него на

взмахѣ; разбойники ввалились въ сѣни.

- «Что-жь, теперь что ли зарѣзать гостей - то незваныхъ? заговорилъ одинъ голосъ.

— Не чортъ возьметъ ихъ, еще успѣемъ! коли и проснутся, то отъ пятерыхъ не уйдутъ! Напередки поужинаемъ, отвѣчалъ другой.

«Ну коли такъ, то ладно! проговорили иные голоса. Ишь какъ они храпятъ на чердакѣ!

— А знаешь что, ребята? Не притворимте вплотную дверь: разомъ услышимъ, чуть проснутся они, да заговорятъ.

Разбойники отворили дверь въ избу, вошли въ нее и оставили дверь не притворенною. Солдатъ, удерживая даже дыханіе во все время, какъ были разбойники въ сѣняхъ, сидѣлъ на-готовѣ встрѣтить гостей. «Пятеро разбойниковъ! думаетъ онъ: по голосу сдается—не сладимъ съ ними. Молодцы, неча сказать, одинъ сильнѣе другаго!» Петръ крѣпко храпитъ. Солдатъ

поколебался: «ужь не разбудить ли его?» Да поразмысливъ и думаетъ, чтобы онъ всего дѣла не попортилъ. Отъ тихъ не уйдешь. Двоимъ съ пятерыми этакими разбойниками не сладить; да еще все одно къ одному — и бабье поможетъ имъ. И вотъ чрезъ отворенную дверь въ избу солдатъ слышитъ все до слова, что говорятъ въ ней.

— Ну, мать, кликнули въ одинъ голосъ всѣ сыновья, вошедъ въ избу: накрывай скорѣе намъ поужинать! а ты, бачко, ужь и на печку полѣзъ.

«Что мнѣ вамъ поѣсть-то подать? всѣмъ вамъ не дохватитъ до-сыта наѣсться. Проклятый солдатишка больше половины поѣлъ: вопъ гуся и четверти не осталось.

— Да на што ты давала ему? закричалъ одинъ изъ сыновей. Ты тутъ разсиживаешь на печи, а мы измучились, да наголодались.

«Да что же мнѣ было дѣлать? чуть не убилъ меня солдатишка хотѣлъ

голову мнѣ снесть тесакомъ, да все я таки стояла на своемъ, не показывала вашего съѣстнаго, ладила, что кромѣ вчерашнихъ щей, да каши, нѣтъ ничего. Да вотъ проклятая, нѣмая чертовка, сестра ваша, показала ему, гдѣ все спрятано было.

— Ахъ ты, вѣдьма этакая, закричали все братья въ одинъ голосъ, и бросились бить нѣмую сестру свою.

Солдатъ все слышитъ, слышитъ, какъ она бѣдная неистово закричала.

«Зажми ротъ ей проклятой! крикнулъ одинъ изъ братьевъ.

Крикъ нѣмой унялся, но солдатъ слышитъ, какъ она тихо хныкаетъ.

— Вотъ какъ отколотили тебя, нѣмую чертовку! закричалъ другой изъ братьевъ: такъ ты впередъ не станешь всякому чорту показывать, гдѣ спрятано для насъ съѣстное. Ужь я ихъ, проклятыхъ! продолжалъ онъ: а ужь пуще этого солдатишку: охотника убью, а этому только на смерть над-

рѣжу горло, да и потѣшусь, какъ онѣ учнетъ бѣгать и изойдетъ кровью словно поросенокъ. Да что мы въ самомъ дѣлѣ, бачка, на-што оставили ихъ до той поры, какъ поужинаемъ? Вы будьте тутъ, а я, покамѣсть собираютъ на столъ, слазѣю, да прирѣжу ихъ обоихъ.

«И дѣло, дѣло! закричалъ съ печки отецъ.

— Дай-ка, Васюха, мнѣ твой ножъ: мой чортовъ сынъ тунъ что-то сталъ, проговорилъ прежній голосъ—голосъ одного изъ сыновей.

«Во! проговорилъ другой сынъ.

— Твой надо немного поправить, сказалъ голосъ первый—голосъ сына, и началъ сынъ этотъ точить ножемъ брата лезвіе своего ножа.

Солдатъ все слушаетъ. Сердце у него ёкаетъ.

«Да ты возьми съ собою топоръ, Аоошка, не равенъ случай: коли проснутся, было бы чѣмъ оборошться! закричалъ отецъ.

— Вѣстимо! и топоръ возьму, проговорилъ Аоонька. А коли проснутся, да барахтаться станутъ, я мигомъ кликну васъ.

—Ну, я пойду.

Солдатъ сидитъ на карачкахъ, нанесъ острый тесакъ, — ждетъ.

Вотъ дверь изъ избы совсѣмъ отворилась: разбойникъ уже въ сѣняхъ. Опять неплотно притворилась дверь, и вотъ по лѣстницѣ лѣзетъ на чердакъ.

Солдатъ удерживаетъ дыханіе. Разбойникъ быстро подымается выше и выше, и сдва просунулъ безобразную голову свою на чердакъ, гдѣ освѣтилась она лунным свѣтомъ, ударившись на творило, какъ солдатъ изъ всѣхъ силъ махнулъ по шеѣ разбойника тесакомъ и голова слетѣла съ плечь, обрызгала лицо солдата кровію и отбросилась въ сторону аршина на два. Обезглавленцый трупъ: ту... ту... ту... загремѣлъ по лѣстницѣ и, скатившись съ ися, откатился къ самому углу сѣней. Солдатъ перекрестился.

— Вотъ на! сказалъ отецъ, сѣвши за столъ ужинать — Аѳонька-то еще разговорился съ ними! Ждать пождать — не ворочается Аѳонька.

«Да что онъ тамъ съ ними возится? крикнулъ отецъ: послѣ оберетъ ихъ! Подь-ка, Васюха, къ нему, да посылай его, пора ужинать.

— Что ты тамъ, чортъ, запропастился? закричалъ Васюха, выйдя изъ избы и неплотно притворяя за собою дверь — нѣтъ отвѣта. Васюха слышитъ на чердакѣ сильно храпятъ, храпятъ спящіе; и онъ полѣзъ на чердакъ. Солдатъ снова не дышетъ, опять на-готовѣ по прежнему, и этотъ разбойникъ только просунулъ голову, какъ служивый ляпнулъ и его по шеѣ, — голова долой съ плечь, кровь прямо въ лицо солдата. Далеко отлетѣла и это голова, а обезглавленный трупъ: ту... ту... ту... по лѣстницѣ, и скатившись съ нея, подкатился къ братниному трупу.

«Ну, и этотъ пострѣлъ заговорился

съ ними: сказалъ отецъ, сидя за столомъ, который жена съ дочерью накрыли бѣлою скатертью и уставили разными яствами, оставшимися отъ солдата, и двумя штофами водки — послѣдніе она принесла изъ другой комнаты.

Солдатъ крестился и думалъ «слава Тебѣ, Господи! теперь ихъ трое осталось, съ троими какъ нибудь да сладимъ!

— И этотъ чортъ запропалъ! сказалъ отецъ, подождавъ минутъ десять. Еще успѣютъ обобрать-то ихъ, да и долго ли? иль больно богати они? Ступайте-ка, ребята да и турните ихъ хорошенько оттоль.

«И одинъ Ѳедька сходитъ! закричалъ Тришка, выпивая пятую чарку водки.

— Эки черти! словно не успѣютъ опослѣ ужина обшарить у нихъ карманы! заговорилъ Ѳедька, выходя изъ избы и опять неплотно притворяя дверь. Вотъ и этотъ лѣзетъ на чер-

дакъ. Солдатъ спить замахнулся тесакомъ и думаетъ: помоги, Господи! Какъ только этотъ разбойникъ просунулъ въ творило шею, солдатъ, словно тыкву, снесъ и ему голову. Голова въ сторону, а трупъ ту... ту... ту... по лѣстницѣ, и откатился къ трупамъ братьевъ. Служивый перекрестился и подумалъ: «слава тебѣ, Господи, бѣда миновалась!»

«Слышь, и этотъ затарабарилъ своими, сказалъ отецъ, начавъ хлѣбать щи.

— Да что они тамъ дѣлаютъ, черти? вскричалъ старшій сынъ Тришка: иль знакомыхъ нашли? Дай-ко я пойду и турну ихъ, пострѣловъ.

«Ступай, Тришка, да хорошенько ихъ! закричалъ отецъ.

У Тришки уже сильно шумѣло въ головѣ. Онъ выбрелъ изъ избы и, притворяя неплотно дверь, въ потьмахъ не попалъ на лѣстницу чердака, а наткнулся на обезглавленный трупъ братьевъ. «Эки, дьяволы, чего-то на-

клали па дорогѣ въ сѣняхъ!» крикнулъ Тришка: «да нѣтъ, я не туда иду» и, оправясь, попалъ на лѣстницу и полѣзъ по ней на чердакъ. Солдатъ смѣло нанесъ тесакъ. Едва просунулась голова Тришки, какъ мигомъ отлетѣла прочь отъ шеи и, брызнувъ кровью солдату въ лице, мигая, упала въ сторону. Трупъ ту... ту... ту... по лѣстницѣ, и подкатился къ роднымъ трупамъ.

— Чу, и этотъ заговорилъ съ ними, молвилъ отецъ. Ну, и пропалъ! прибавилъ, пождавъ его немного, и махнулъ рукой.

«Дай пойду самъ, жена: вотъ, черти какіе, хоть бы одинъ вернулся сказать, что они тамъ дѣлаютъ! Жена, посвѣтика мнѣ въ сѣни; да нѣтъ, не надо, я и такъ найду лѣстницу, а то огнемъто не помѣшать бы чему. И старикъ вышелъ изъ избы, неплотно притворилъ дверь и полѣзъ на чердакъ. «Эки, проклятые черти! смотри-ка, еще

чего-то палили на лѣстницу! тихо говорилъ онъ, хватаясь руками за верхнія ступеньки и попадая пальцами на кровь сыновей, облившую лѣстницу.

Солдатъ, замахнувшись тесакомъ, думаетъ: «взлѣзай-ка, взлѣзай-ка!» и только старый разбойникъ просунулъ въ творило голову, солдатъ махнулъ тесакомъ. Старая кровь отца-разбойника брызнула на лицо служиваго, окровавленное молодою кровью разбойниковъ-сыновей, голова отлетѣла далеко отъ творила, а обезглавленный трупъ: ту... ту... ту... по лѣстницѣ, и, скатившись, упалъ подлѣ нее.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Ты помиловалъ насъ отъ смерти неминуемой! воскликнулъ солдатъ.—Онъ вложилъ окровавленный тесакъ въ ножны и, упавъ на колѣна, сталъ молиться Богу. Потомъ всталъ и началъ собирать по чердаку отрубленныя головы. Первою нашелъ отцовскую съ звѣрскою наружностію, плѣшивую, съ сѣ-

дою бородою. Солдатъ взялъ ее за небольшіе сѣдые волосы, бывшіе на затылкѣ — кровь продолжаетъ капать изъ нея, сѣрые глаза еще мигаютъ, зубы щелкаютъ. Служивый пошелъ и положилъ голову на лунный свѣтъ, упадавшій на землю около печной трубы. Потомъ солдатъ нашелъ по разнымъ мѣстамъ еще четыре головы рыжія, кудрявыя, двѣ съ бородами, двѣ безбородыя, и ихъ положилъ въ линію, рядышкомъ съ отцовой. Всѣ пять окровавленныхъ головъ, одинѣ съ глазами прищуренными, другія съ открытыми, третьи со сведенными совсѣмъ, или подкатившимися къ верху, стояли въ линію на горлахъ, въ лунномъ свѣтѣ, лицемъ къ слуховому окну, нѣкоторыя разиня ротъ, словно зѣвая, другія стиснувъ его, какъ голова отца, теперь уже замершая.

Братъ Алеша крѣпко храпитъ на сѣнѣ, словно у себя на постелѣ. Солдатъ подошелъ къ нему и, тихонько

его толкая, сказалъ: «проснись-ка, братъ Алеша, проснись!

Братъ Алеша, открывъ глаза, промолвилъ: «ты еще не спишь, служивый?

«Встань-ка, встань-ка, братъ Алеша, да посмотри: кабы я спалъ, такъ намъ бы это было! говорилъ солдатъ, показывая на отрубленныя головы.

Братъ Алеша вскочилъ, и изумленный взоръ его остановился на пяти окровавленныхъ, ужасныхъ головахъ, лежавшихъ на лунномъ свѣтѣ. Испугъ и изумленіе потрясли Петра, — болѣзнь его миновалась. Изумленный орлиный взоръ его съ минуту устремленъ былъ на головы разбойниковъ и потомъ на солдата, безмолвно стоявшаго на лунномъ свѣтѣ. «Служивый, ты весь въ крови!» сказалъ Петръ.

«Да, братъ Алеша, попалось было мы добрымъ людямъ на почлегъ, да Господь помиловалъ насъ грѣшныхъ. И солдатъ разсказалъ брату Алешѣ,

что было съ того времени, какъ онъ уснулъ.

— Что же ты не разбудилъ меня? вскричалъ удивленный Петръ.

«Побоялся, братъ, чтобы ты не погорячился, да всего дѣла не испортилъ.

Петръ благоговѣйно возвелъ взоръ благодаренія къ небу, перекрестился, бросился къ солдату, обнявъ его, поцѣловалъ крѣпко и воскликнулъ: благодарю тебя, служивый: нынѣшнюю ночь ты спасъ меня отъ смерти. Будь же мнѣ братомъ крестовымъ! Петръ снялъ съ себя крестъ и обмѣнялся имъ съ служивымъ: на солдата надѣлъ свой, на себя его. Да всѣ ли тутъ разбойники? спросилъ послѣ этого Петръ. Нѣтъ ли еще въ-живѣ?

«Нѣтъ, братъ Алеша, тутъ все. Тамъ остались только двѣ давишнія бабы.

— Пойдемъ въ низъ, служивый, проговорилъ Петръ, вынулъ изъ-за груди небольшой заряженный пистолетъ и взвелъ курокъ.

«Пойдемъ, братъ Алеша. Ну, приму же я эту бабу. Теперь она покажетъ мнѣ не только, гдѣ схоронила съѣстное, а и гдѣ спрятана у нихъ казна награбленная! Онъ снова обнажилъ тесакъ.

Впередъ служивый, а за нимъ Петръ спустились по окровавленной лѣстницѣ съ чердака въ сѣни.

«Здѣсь они дружки любезные, въ своей крови плаваютъ,—тихо сказалъ служивый, ступая ногой на окровавленный полъ, на которомъ стояли ручьи крови. Едва ступилъ онъ шага два, какъ наткнулся на трупъ отца-разбойника. Солдатъ и Петръ перешагнули черезъ него и были уже у двери избы.

Между тѣмъ жена разбойника, дожидаясь долго сыновей и мужа и видя, что они нейдутъ, заговорила: «экъ ихъ нелегкая побрала! что они проклятые всѣ тамъ пропали? Неужто пятеро боятся подступиться къ двумъ сон-

ным? Да я, баба, давно бы прирѣзала ихъ, особливо этого солдатишку. Я чай, онъ на томъ свѣтѣ вострить на меня зубы за то, что я не сказала имъ всю правду, куда попались они, не спрятала ихъ, а тотчасъ сама навела на нихъ дѣтокъ.»

Въ это мгновеніе дверь избы распахнулась и солдатъ весь въ крови, съ обнаженнымъ окровавленнымъ тесакомъ, и великанъ Петръ съ очами, горѣвшими дивнымъ огнемъ, вошли поспѣшно въ избу.

«Пришелъ я съ того свѣта за твоей душею скверною, разбойница проклятая! вскричалъ солдатъ.

Баба и дѣвушка ахнули, и послѣдняя какъ стояла, такъ и грянулась безъ чувствъ на полъ.

Солдатъ и Петръ бросились къ поблѣдиѣвшей бабѣ — она упала предъ ними на колѣни и завопила: «помилуйте, отцы, отпустите душу на покаяніе!

«Такъ такимъ-то звѣринымъ ремесломъ промышляете вы? закричалъ солдатъ. Говори, змѣя подколодная, есть ли у васъ еще кто изъ мужиковъ, окромѣ мужа, да четырехъ сыновей?

— Никого нѣтъ, окромѣ ихъ ни единаго человѣка! вопила хозяйка.

«Говори, давно ли вы разбойничаете? вскричалъ грозно Петръ, наставляя дуло пистолета на грудь хозяйки.

— Двадцать лѣтъ.

«Нѣтъ ли еще товарищей у васъ?

— Видитъ Богъ, никого нѣтъ. Были версты за двѣ отселѣ, да вотъ уже шестой годъ переловили ихъ.

«Ну, крикнулъ солдатъ, бери сейчасъ ключи, да показывай, гдѣ лежитъ у васъ награбленная казна!

— Все покажу, родимый, все возьми, только не предавай смерти, дай отмолиться за грѣхи тяжкіе.

«Молись и за упокой души мужа и сыновей твоихъ! молвилъ солдатъ.

Баба вся затряслась, вскочила и, шатаясь, пошла въ другую комнату. Чрезъ минуту, выйдя оттуда съ ключами въ рукахъ, она взяла со стола свѣчу и проговорила дрожащимъ голосомъ: Пойдемте, отцы мои, возьмите всю казну, только отпустите душу на покаяніе. Хозяйка со свѣчей въ рукахъ пошла изъ избы. Когда вступила въ сѣни и они освѣтились, хозяйка вся задрожала и пронзительно вскрикнула: пять обезглавленныхъ труповъ мужа и сыновей, въ русскихъ рубахахъ плавали въ крови, которая ручьями стояла въ сѣняхъ, и сдавалось, будто текла съ чердачной лѣстницы, облитой кровью. Хозяйка уставила глаза на трупы мужа и сыновей.

«Ну, ну, еще успѣешь насмотрѣться на нихъ! закричалъ солдатъ, выходя съ братомъ Аленою изъ избы, гдѣ оставалась на столѣ зажженная свѣча. Баба отворила дверь на крыльцо и, со свѣчей и ключами въ рукахъ, сошла

съ него на дворъ, а за нею и служивый съ братомъ Алешею. Осенняя вѣдряная ночная свѣжесть обхватила ихъ. Мѣсяцъ и звѣзды смотрѣли съ чистаго неба на шествіе хозяйки съ солдатомъ и Петромъ налѣво. Отъ бсэвѣтрія свѣча въ рукахъ хозяйки не была въ опасности ежеминутно потухнуть, но роняла свѣтъ на землю и отражала тѣнь бабы.

Солдатъ шелъ съ обнаженнымъ тесакомъ, а братъ Алеша шелъ съ пистолетомъ и любопытво осматривалъ все кругомъ себя.

Хозяйка подвела ихъ къ кладовой и проговорила солдату: подержи, отецъ, свѣчу. Когда онъ взялъ отъ нее свѣчку, хозяйка отперла замокъ и отворила деревянную дверь; за ней была еще крѣпкая желѣзная, запертая большимъ замкомъ. Хозяйка отперла и этотъ замокъ, и желѣзная задвижка, отдвигаемая рукой бабы, загремѣла, и ея грому отвѣтило эхо въ лѣсу.

Хозяйка отворила скрипѣвшую дверь и сошла въ сухой погребъ.

«Ты, братъ Алеша, подожди ходить сюда, сказалъ солдатъ, спускаясь за хозяйкой: а то пожалуй снаружи кто ни есть и припретъ насъ.

— Не бойся, не пойду! отвѣчалъ братъ Алеша, остановясь у входа и озираясь кругомъ.

Спустясь въ подвалъ съ хозяйкой, солдатъ изумился: по стѣнѣ стояли боченки съ золотомъ, серебромъ и мѣдью, а разныя дорогія вещи валялись по каменному полу погреба. Хозяйка, поставя свѣчу на полъ, стала, какъ статуя, въ уголъ.

«Уфъ, съѣдятъ тебя мухи! сколько денегъ-то, денегъ-то! вскричалъ въ изумленіи солдатъ. Ну, награбили вы богатство несмѣтное,—вѣрно тму тмущую душъ христіанскихъ отправили на тотъ свѣтъ. Алеша, посмотри сколько золота! закричалъ солдатъ, не зная изъ какого боченка брать.

Петръ нагнулся въ погребъ: въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ отъ крыльца и пуля провизжала мимо спины Петровой. Онъ въ испугѣ обернулся назадъ: на крыльцѣ стояла, какъ окаменѣлая, нѣмая дочь хозяйки — въ рукахъ у нея дымился пистолетъ. Въ это же мгновеніе солдатъ выскочилъ изъ погреба, взялъ пистолетъ изъ рукъ брата Алеши, грянулъ выстрѣломъ въ нѣмую, и она, прострѣленная пулею подъ сердцемъ, съ глубокимъ стономъ полетѣла съ крыльца на землю. Пистолетъ, выпавъ изъ рукъ дѣвушки, загремѣлъ по лѣстницѣ. Стаи воронъ, спугнутыя съ ближнихъ сосенъ выстрѣломъ, закаркавъ, понеслись вдаль.

При первомъ выстрѣлѣ хозяйка быстро бросилась изъ погреба. Да нѣтъ — солдатъ предупредилъ ее, и когда раздался второй выстрѣлъ, а за нимъ стонъ дочери, баба грянулась на землю.

Петръ, вынувъ изъ-за груди другой

заряженный пистолетъ, бывъ подлѣ убитой дѣвушки. Слезы навернулись на глазахъ его, смотря на жалостную картину: озаренная луною, дѣвушка, въ полномъ цвѣтѣ жизни, лежитъ застрѣленная на окровавленной землѣ, кровь бьетъ ручьемъ изъ-подъ дымящагося сарафана. Густая русая коса, какъ лента, упадаетъ на бѣлую, окровавленную грудь дѣвушки.

Братъ Алеша нагнулся, взялъ несчастную за руку: она была холодна и тяжела. Прости насъ, жертва преступныхъ родителей! сказалъ братъ Алеша: служивый защищалъ мою жизнь; мыслилъ, можетъ-быть, нѣтъ ли у тебя другаго оружія. Пуля дура —не разбираетъ, отъ кого и въ кого летитъ.

«Ахъ ты, этакая нѣмая анаѳема! закричалъ солдатъ: дьявольское отродье! Ты вѣрно хотѣла его застрѣлить, а меня пришереть въ погребѣ. Пойдемъ, братъ Алеша! хоть немно-

жко и жалко ее, да чортъ съ ней: яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Пойдемъ! Напередъ я нагребу въ карманы золота, а потомъ ты.

— Слушай, служивый: ты бери денегъ сколько хочешь, сказалъ Петръ: поскорѣе разспроси у бабы, какъ ѣхать на Питеръ, и уберемся отсюда. Покуда не разсвѣнетъ, я не покину тебя, а какъ взойдетъ солнышко, то прощай, братъ—мнѣ къ полдню надо быть въ Питерѣ, а не то, пожалуй меня наищутся.

«Дѣло, братъ Алеша, намъ гостить здѣсь нечa, а то, чего добраго, не нагрянули бы сюда какіе ни есть разбойники, знакомцы тутошнихъ. Ты покарауль у погреба, а я тамъ возьму себѣ золота, да допрошу бабу, какъ добраться до Питера.

Солдатъ снова спустился въ погребъ. Петръ снова сталъ на карауль у погребнаго входа и каждое мгновеніе озирался кругомъ. Спустясь, служивый

нашелъ бабу въ погребѣ, сидѣвшую на землѣ; какъ шальная, она выпучила глаза на служиваго.

«Куда намъ проѣхать на Питеръ? закричалъ солдатъ.—На Питеръ? сказала баба, минутъ три собираясь съ мыслями. На Питеръ.... налѣво.... въ лѣсъ.... лѣсная дорога.... выведетъ на большую. Проговоря это, она горько заплакала. Солдатъ подошелъ къ одному боченку съ золотомъ и ну сыпать себѣ золото въ оба кармана. Насыпалъ ихъ полнехоньки; наклалъ за рубашку; набилъ имъ полныя голенищи сапоговъ; всыпалъ въ шапку, надѣлъ ее и, взявъ еще по горсти въ обѣ руки, вылѣзъ изъ погреба, почти совсѣмъ обложенный золотомъ. «Ну, братъ Алеша, мнѣ ужъ больше и класть не куда; ступай бери: ты на лошади больше увезешь!»

Солдатъ сталъ у входа въ погребъ, а Петръ спустился туда, осмотрѣлъ все кругомъ, взглянулъ на бывшую

тутъ бабу, спросилъ ее о дорогѣ въ Питеръ, взялъ горсть золота, сунулъ въ карманъ кафтана и вылѣзъ изъ погреба.—Что-же ты такъ мало взялъ? знать ты богатъ? вскричалъ солдатъ.

— Уберемся отсюда скорѣе, дѣло ладнѣе будетъ! отвѣчалъ Петръ.

«Ну, коли такъ, то такъ ступай за своей лошадью, да сѣдлай ее самъ, а мнѣ ничего дѣлать нельзя: въ обѣихъ рукахъ золото.

Черезъ десять минутъ Петръ уже осѣдлалъ лошадь свою и вывелъ ее изъ конюшни, въ которой всѣ стойлы, кромѣ одного, были заняты лошадьми. Держа за поводъ своего коня, Петръ молвилъ: Солдатъ, бери себѣ въ конюшнѣ лошадь, да поѣзжай, чѣмъ пѣшкомъ-то итти.

«Нѣтъ, братъ, еще пожалуй какимъ ни есть разбойникамъ попадешься, да они признаютъ здѣшнюю лошадь, такъ дѣло-то хуже будетъ; да и то знаешь, прошелъ я много пѣхтуромъ, такъ ужь и дойду пѣшкомъ.

— Ну, какъ хочешь, служивый. Петръ отперъ ворота, набожно перекрестился три раза, поклонился трупу застрѣленной дѣвушки, вскочилъ на лошадь и, въ сопровожденіи солдата, опять пошедшаго около лошади, выѣхалъ съ ужаснаго пожарища. Въѣзжая въ лѣсъ, противоположный тому, изъ котораго они выѣхали на поляну, Петръ еще разъ бросилъ взоръ на одинокій каменный домъ, окруженный деревянымъ заборомъ, на домъ, въ которомъ было шесть человѣческихъ труповъ, а въ живыхъ только одна баба. Вдругъ раздался на дворѣ ужасный вой, голосованье бабы, плакавшей уже надъ трупомъ застрѣленной дочери; потомъ безумный хохотъ, да вой собакъ....

Еще не разсвѣло, когда Петръ съ солдатомъ выбрались на большую дорогу; когда оборотили они взоръ на лѣсъ, то въ срединѣ его стояло надъ нимъ страшное зарево.

«Ну, братъ Алеша, сказалъ солдатъ,

смотря вмѣстѣ съ Петромъ на зарево: это вѣрно горитъ нашъ дьявольскій ночлегъ!

— Да, да, молвилъ Петръ: это горитъ онъ. Прощай, служивый! Воинъ занимается заря; видишь: не въ далекѣ и деревня. Теперь ты и одинъ дойдешь безопасно. Петръ слѣзъ съ лошади, обнялъ солдата, поцѣловалъ, разспросилъ еще разъ, въ какомъ онъ служитъ полку, какъ зовутъ его и проговорилъ: спасибо тебѣ, служивый! я никогда не забуду тебя. Какъ только войдешь въ Питеръ, то ступай въ ту же минуту прямо во дворецъ и спроси Царскаго охотника Алешу. Петръ вспрыгнулъ на коня и быстро, по большой Московской дорогѣ, понесся на деревню: только скокъ его лошади, среди всеобщей тишины, раздавался по утренней зарѣ, и долго не скрылся Петръ изъ глазъ солдата. Большая Московская дорога, по которой уносился Петръ, какъ лента тянулась

извивами далеко и сливалась съ небосклономъ, на которомъ еще блистали звѣздочки; по другимъ сторонамъ дороги, вдали, виднѣлись черные сосновые лѣса. Изъ деревни доносился по зарѣ лай собакъ.

Посмотрѣвъ на окрестности и еще разъ взглянувъ на зарево надъ лѣсомъ, солдатъ пошелъ на деревню; осенній туманъ обнялъ всѣ окрестности. Солдатъ почувствовалъ осенній утренній холодокъ. Взошло солнце безъ лучей, въ туманѣ, и освѣтило проснувшуюся Божію землю.

Только вошелъ солдатъ въ деревню, и прямо въ кабакъ — сѣлъ за столъ; бывшіе тутъ мужики съ почтеніемъ встали передъ солдатомъ, а цѣловальникъ, вытянувшись въ струну, спросилъ: что прикажешь, служивый?

Солдатъ выбросилъ на столъ изъ рукъ золото, осторожно снялъ шапку съ золотомъ, всталъ, перекрестился на образъ, сѣлъ опять и подумалъ:

Ага! вотъ что значатъ любезныя деньжки! Прежде мнѣ такого почтенія не было!... А того не разсудилъ служивый, что, посмотря на него, всего въ крови, съ кучею золота, всякій поскорѣе бы связалъ ему руки, да отправилъ бы его въ ближній городъ. Отъ чего это не дѣлали съ нимъ; а вотъ отъ чего: Петръ проѣзжая по всѣмъ деревнямъ, объявлялъ о себѣ, что онъ Императоръ, и приказалъ, что если придетъ сюда такой-то солдатъ весь въ крови, съ кучею золота, то бы чествли его, и во всѣхъ кабакахъ ни за вино, ни за что не брали съ него денегъ,—получатъ послѣ изъ казны А солдату тому отнюдь бы не говорили, что это дѣлаютъ по приказу Императора.

«Гей! полштофа пѣвнику, да смотри, цѣльнаго, безъ водьи! крикнулъ солдатъ цѣловальнику. За деньгами у насъ дѣло не станетъ: видь сколько у меня золота! Да слушай-ка, есть мнѣ захо-

тѣлось. Нынче день постный; сдѣлайка, брать, селянку, — да смотри на славу!

Подали солдату политофа небалованнаго вина, вина самаго лучшаго; изготовили на сковородѣ селянку на славу, и принялся служивый завтракать.

— Нынче ночью къ утру гдѣ-то большой пожаръ былъ, молвилъ цѣловальникъ служивому. Страшное зарево стояло надъ ближнимъ лѣсомъ: ужь не овины ли гдѣ горѣли?

«Кажись и теперь все горятъ: дымъ въ той сторонѣ. Всякаго христіянина помилуй Господи отъ этого! проговорила жена цѣловальника, посмотрѣла на образъ и перекрестилась.

Солдатъ помалчиваетъ, какъ будто ничего незнаетъ. Подливаетъ себѣ изъ политофа, да уписываетъ селянку. — Покончивъ политофъ, покончилъ селянку, помолился Богу и ужь на-всесѣ крикнулъ: Ну! съѣдятъ васъ

мухи, сколько денегъ вамъ за все? Ничего не надобно! отвѣчалъ цѣловальникъ, низко кланяясь служивому.

«О! съѣдятъ тебя мухи, денегъ что ли у меня нѣтъ? чтобы даромъ сталъ ѣсть да пить! закричалъ солдатъ: вишь сколько у меня золота? Бросилъ имъ солдатъ золотыхъ десять, надѣлъ опять шапку съ золотомъ, взялъ остальное въ руки, вышелъ изъ кабака и пошелъ изъ деревни.

— Дядюшка, дядюшка, подай Христаради! закричали мальчишки и дѣвочки, окружа солдата при выходѣ изъ деревни.

«На-те, вотъ вамъ бестіи! крикнулъ солдатъ, и вынулъ имъ съ десятокъ золотыхъ.

Пришелъ солдатъ въ другую деревню и прямо въ кабакъ; пришелъ въ третью и опять туда же, и нездѣ не берутъ съ него денегъ, а онъ сыплетъ золотомъ, и дошелъ онъ такъ къ полудню до половины пути, не-

много вздремнулъ въ кабакѣ, — и потомъ опять за прежнее. Солнце уже садилось, когда солдатъ раздавъ, растерявъ всѣ деньги, что были у него въ рукахъ и шапкѣ, хмѣльной завидѣлъ Петербургскую заставу. Пошатываясь, онъ подошелъ къ ней. На гауптвахтѣ высыпали солдаты и по командѣ Офицера начали выкидывать честь солдату, по приказу Императора. Служивый, увидя Офицера, прибодрился, вытянулся и подумалъ: смотри пожалуй! за что мнѣ это честь выкидываютъ? Иль и сэлдаты сознали, что у меня много золота? Онъ опустилъ руки въ карманы и, вытаща двѣ полныхъ горсти золота, бросилъ на гауптвахту, проговоря солдатамъ: «зоть вамъ, братцы, на вино.»

Только прошелъ гауптвахту, служивый смотритъ: подлѣ нее стоитъ богатая коляска, четверней въ рядъ. Лакеи подскочили къ солдату и закричали: пожалуй, служивый, пожалуй!

схватили его подъ руки и посадили въ коляску: она быстро понеслась по улицамъ Петербурга.

Солдатъ съ испуга, а болѣе отъ того, что былъ хмѣленъ, и не спросилъ лакеевъ, куда они это везутъ его. Онъ уснулъ въ коляскѣ и былъ разбуженъ, когда она остановилась. Уже наступили сумерки. Коляска стояла предъ дворцемъ. Лакей высадилъ солдата изъ коляски. Хоть и хмѣленъ былъ нашъ служивый, но изумился и подумалъ: что это дѣлается со мною? «Любезный, гдѣ тутъ живетъ братъ Алеша? спросилъ онъ одного изъ лакеевъ.

— А вотъ къ нему мы и привезли тебя, проговорили лакеи. Повели его въ нижній этажъ дворца, и ввели въ освѣщенную богатую комнату. Нынче брату Алешѣ нѣкогда видѣться съ тобою, сказалъ одинъ изъ лакеевъ: да и твоей милости, служивый успуть надо. Завтра увидишь брата Алешу.

«Ну, хорошо! проговорилъ солдатъ. Укажите, добрые люди, мѣстечко, гдѣ бы усну̀ть хоть на кухнѣ. Они ввели солдата въ другой освѣщенной богатой покой и, показывая ему на богатую кровать, сказали: изволь ложиться.

Удивился солдатъ—помышлялъ было сказать: «Куда мнѣ спать на этакой кровати: я всю ее испачкаю!» да хмѣль осилилъ служивого и онъ повалился на мягкую кровать — Огонь потухъ и черезъ минуту солдатъ крѣпко храпѣлъ.

Проснулся солдатъ поутру: голова трещитъ съ похмѣлья, словно съ угару. Посмотрѣлъ кругомъ себя: великолѣпство богатое. Гдѣ я? думаетъ служивый; взглянулъ на себя: весь въ крови. —И началъ вспоминать солдатъ вчерашнія свои приключенія; вдругъ изъ другой комнаты вошелъ щегольски одѣтый лакей; солдатъ вскочилъ съ постели, перекрестился и спросилъ лакея: какъ бы увидать мнѣ Царскаго

охотника Алешу? Да знаешь—удружи, добрый человѣкъ, нѣтъ ли чего мнѣ выпить — опохмѣлится?

— Царскій охотникъ Алеша велѣлъ ко нему вести тебя — тамъ у него опохмѣлишься.

Солдатъ пошелъ за лакеемъ. Имъ попадалось множество придворныхъ и всѣ съ любопытствомъ глядѣли на солдата. Когда же лакей повелъ его по лѣстницѣ, въ главный этажъ дворца, мимо бравыхъ караульныхъ солдатъ, нашъ солдатъ испугался и говорилъ: «куда это ты ведешь меня, добрый человѣкъ?»

— Изволь идти за мною: приведу, куда велѣно, отвѣчалъ учтиво лакей.

И вотъ испуганнаго солдата вводятъ въ Царскіе покои, вотъ и въ пріемную: въ ней множество Генераловъ, всѣ въ мундирахъ, облитыхъ золотомъ, при разноцвѣтныхъ лентахъ и бриллiантовыхъ орденахъ, и среди такого великолѣпія появился нашъ

солдатъ весь въ крови, испачканный, съ завитымъ рукавомъ, съ золотомъ за голенищами. Всѣ Генералы обратили на солдата любопытные взоры. Солдатъ вытянулся предъ Генералами какъ струна, и браво пошелъ мимо ихъ далѣе за лакеемъ. Лакей ввелъ его въ небольшую комнату и велѣлъ ему дожидаться здѣсь, самъ же, растворя дверь въ другую комнату, пошелъ далѣе. Испуганный солдатъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ: съ полчаса стоялъ онъ такъ; вдругъ въ ближней комнатѣ раздалось множество шаговъ. Такъ сердце и забилось у солдата. И вдругъ, окруженный нѣсколькими ближними особами, выходитъ Императоръ Петръ Великій! Солдатъ тотчасъ узналъ своего товарища прошедшей страшной ночи. Служивый задрожалъ, подумалъ: не сдѣлалъ ли я чего худаго, оскорбительнаго для Императори; и, повалясь Ему въ ноги, могъ только тихо проговорить: «помилуй, Государь-Надежа!»

— Встань! сказалъ Императоръ, и самъ поднялъ солдата. Служивый вытянулся предъ Императоромъ.

— Благодарю тебя, продолжалъ Императоръ служивому: ты спасъ мнѣ жизнь, а она, уповаю, дорога для Россіянъ, ибо вся посвящена отъ начала и до сего часа для ихъ благоденствія. Поздравляю тебя капраломъ Невскаго полка. Поѣзжай сейчасъ съ подводами при отряженной командѣ на нашъ ночлегъ.—Забери тамъ изъ погреба все золото, серебро и—когда не сгорѣли — драгоцѣнности; да донеси мнѣ объ оставшейся въ-живѣ бабѣ, или лучше, вмѣстѣ съ имѣніемъ привези и ее сюда.

Нашъ солдатъ снова повалился въ ноги Императору.—Встань и исполняй, что я тебѣ приказываю, сказалъ Петръ, и удалился во внутреніе покои.

Часа черезъ четыре новый капралъ съ тремя подводами, подъ прикрытіемъ солдатъ со штыками, выѣхалъ

изъ лѣса съ знакомой намъ лѣсной дороги на ту опять долину, гдѣ вчера ночевали они съ Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и что же представилось взорамъ капрала и солдата? опять курящіяся головешки вокругъ обгорѣлыхъ каменныхъ стѣнъ дома, словно воткнутые въ землю огромные дымящіеся погребальные факелы. Команда въѣхала на мѣсто бывшаго двора; около обгорѣлаго трупа дѣвушки лежалъ другой обгорѣлый трупъ. «Ну, и баба сгорѣла! молвилъ капралъ, и перекрестясь прибавилъ — царство ей небесное!

Къ вечеру возвратилась команда въ Питеръ и привезла въ казну бочонки съ золотомъ, серебромъ, мѣдью и дорогія вещи, найденныя въ погребѣ разбойниковъ.

На другой день Петръ Великій пожаловалъ нашего капрала Офицеромъ и подарилъ ему полбочонка золота.

Даря золото новому Офицеру, Импе-

раторъ приказалъ бывшему солдату беречь каждый рубль. *Кто не бережетъ рубля, тотъ самъ не стоитъ копѣйки,* сказалъ Петръ Великій свою любимую поговорку.

Новопожалованный Офицеръ вызвалъ жену свою съ дѣтьми изъ деревни въ Питеръ и зажилъ съ семьей припѣваючи.

Магазин 40 20 р.

КОНЕЦЪ.

2007055475